

Светлана
АЛЕШИНА

Африканские
СТРАСТИ

ЭКСМО

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Новая русская

Светлана Алешина

Африканские страсти (сборник)

«Научная книга»

2000

Алешина С.

Африканские страсти (сборник) / С. Алешина — «Научная книга», 2000 — (Новая русская)

Лариса Котова, владелица ресторана «Чайка», имеет странное хобби. Она любит расследовать разные детективные истории, зачастую помогая милиции в их нелегком деле. Вот и сейчас ее заинтересовало убийство негра, тело которого было найдено в городском парке. Ранее она видела его с известной актрисой Горецкой у себя в ресторане. Причем та явно не желала, чтобы ее опознали, нацепив светлый парик и темные очки. Что может связывать известную актрису с убитым студентом из Конго? Это и решила выяснить не в меру любопытная «новая русская»...

Содержание

Африканские страсти	5
Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	16
Глава 3	25
Глава 4	33
Глава 5	40
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Светлана Алешина

Африканские страсти (сборник)

Африканские страсти

Пролог Москва, 1970

Антон шагнул по Арбату, и его охватывала волна нежности и доброты ко всему живому. Он был молод, честолюбив и, черт побери, достаточно красив, чтобы радоваться жизни. Вокруг него суетливо сновали люди. У некоторых из них были довольно хмурые лица. Они были озабочены своими проблемами. Но Антону почему-то хотелось подойти к кому-нибудь и поднять хоть как-то человеку настроение. Однако он понимал, что это всего лишь ситуативное чувство, и выглядеть он будет неадекватно. Поэтому своего намерения он так и не осуществил.

Вместо этого он зашел в гастроном и, потолкавшись в очереди, купил бутылку портвейна. Что ж, теперь можно и в метро. Сегодня будет самый счастливый день в его жизни. Он так решил, а значит, все получится.

Юля жила на Фрунзенской набережной в одном из так называемых «элитных» домов. Ее папа был каким-то большим начальником в военном гарнизоне города Москвы, и ее квартире все завидовали. Антон тоже был из тех, кого обурежала зависть. Но он был уверен, что со временем у него тоже будет что-то подобное. Хотя сейчас, кроме комнаты в общежитии на пять человек, он абсолютно ничего не имел. Однако честолюбие и энергия молодости, присутствовавшие у Антона в достаточной мере, позволяли ему надеяться на лучшее будущее.

Он шел на вечеринку, которую Юля организовала у себя дома. Она была посвящена двум событиям одновременно: во-первых, отбытию Юлькиных родителей на Черноморское побережье Кавказа, а во-вторых, Международному женскому дню. Но для Антона эта вечеринка имела еще одну, самую главную для него особенность.

Там должна была быть Настя. Конечно, они много понаделали глупостей, но все же любят друг друга. Это же очевидно. Антон твердо решил сделать ей предложение. Она не сможет от него отказаться.

Он вздохнул полной грудью еще морозный, но уже пахнущий весной воздух и прижал к лицу букет мимозы, купленный заблаговременно. Пахнет весной... Нет, Антона не покидало сегодня ощущение эйфории. У него все должно получиться!

Он прошел от станции метро двести, вошел в подъезд «сталинки» и поднялся на седьмой этаж.

– Ой, Антошечка, проходи, – выскочила на порог разнаряженная Юля. – Как хорошо, что ты пришел! Уже все собрались.

– Это тебе, с праздником! – и Антон чмокнул хозяйку дома в щеку.

– Спасибо, – Юля взяла букет и буквально окунула в него свое лицо, – весной пахнет.

Антон прошел в гостиную. Посередине стоял огромный стол. За ним сидела разнополая компания – человек двадцать.

Поставив бутылку портвейна на стол и поздоровавшись со всеми, он отыскал глазами Настю. Праздник уже начался, и к нему тут же подошел старый знакомый Володя Суровцев, который учился в Литературном институте и сочинял стихи. Само по себе это никому неудобств не причиняло. Страшно было другое – графоманский бред, который позволял себе

Суровцев, он спешил донести до масс. Он декламировал стихи, независимо от ситуации и компании, в которой он находился. Говорили даже, что он мог внезапно начать говорить рифмованные фразы во время занятий любовью. Впрочем, эти злые языки принадлежали женщинам, которых он бросил.

Антон сразу же понял, что сейчас произойдет, и попытался увернуться, но было поздно – Володя надвигался на него как танк.

– Послушай, старик, – восторженно воскликнул он.

И начал:

Клялась ты – до гроба
Быть милой моей. Опомнившись,
Оба мы стали умней.
Опомнившись, оба
Мы поняли вдруг,
Что счастья до гроба
Не будет, мой друг.

– Ну как, нравится? – заглядывая в глаза Антону, спросил Суровцев.

– Да, ничего, – машинально ответил тот, отыскивая глазами Настю.

Черт, как же она была хороша!

– А вот, слушай еще, – назойливой мухой прожужжал над ухом Суровцев.

Изведав горечь укоризны,
Обид, ошибок, мелких драм,
Учитесь радоваться жизни,
Ее обыденным дарам.

– Ну и как?

– Да, очень хорошо, – не глядя на Суровцева, ответил Антон. – Извини, старик, потом поговорим.

– Ну да, конечно. Иди, вон твоя примадонна, – слегка обидевшись, отошел Володя. – Только вот что-то Джульетта, похоже, не очень жаждет своего Ромео.

Слова его резанули ухо Антону, но Настя была рядом, и он решил сразу броситься с места в карьер.

– Привет, – подошел он к Насте, достал из пиджака флакон духов «Огни Москвы» и протянул ей. – С праздником.

– Спасибо, – довольно холодно ответила та и, равнодушно взяв флакон, положила его в карман платья.

– Настя, – взял ее под локоть Антон, – нам надо поговорить.

– Я тоже так думаю. Но не здесь. Пойдем прогуляемся.

– Хорошо.

Они оделись и потихоньку, чтобы не привлекать внимания друзей, вышли на площадку. Спустившись вниз, они молча пошли по улице. Уже опустились сумерки, и в окнах то там, то здесь зажигались огни.

– Настя, – начал Антон, беря свою подругу за руку, – так больше не может продолжаться...

– Да, это точно. – Она повернулась к нему лицом, и Антон поразился, насколько оно было злым. – Эти все твои похождения просто аморальны!

«Черт! – мысленно выругался он. Эйфория этого вечера тотчас улетучилась. – Это надо же было ей тогда прийти именно в тот момент. Ну хоть на пять минут бы раньше или позже. Ну бывает же такое невезенье! А девочка тогда была просто класс».

– Настя, ты все неправильно поняла, – попытался оправдаться Антон.

– Что я поняла неправильно? Ты же с ней спал! И поэтому все, мой милый. Мне надоело, хватит!

И Настя с силой вырвала свою руку. Антон некоторое время шел молча, и внутри его вскипала злость. Наконец его прорвало.

– Ах так? – гневно спросил он. – Я вообще-то не хотел ничего вспоминать, но раз уж ты сама начала... Да ты на себя посмотри? Мне только и говорят о том, с кем ты спишь.

– Это кто же тебе говорит? – сощурила глаза Настя. – Уж не Юлечка ли?

– Настя, при чем тут Юля?

– А, ты уже ее защищаешь? – распалилась Настя. – Конечно, понятно, у нее же квартира есть! Не надо будет по общагам мыкаться. Папа ей еще одну сделает.

– Ну, знаешь ли, – буквально задыхался от ярости Антон. – А переспать со всей общагой – это нормально? Это не аморально? Да, похоже, и не только в нашем корпусе. По-моему, ты уже и иностранцев охватила. Я не прав?

Настя побледнела как лежащий на дорогах снег. И тихо прошептала:

– Это не твое дело. Понятно?

– Конечно, понятно. Значит, ты проституткой заделалась? За заграничные шмотки уже даешь?

Настя повернулась и отвесила Антону пощечину. Потом, ни слова не говоря, она зарыдала и, закрывая лицо руками, побежала в сторону метро.

– Ну и черт с тобой, – махнул рукой Антон, потирая щеку и со злостью провожая глазами удаляющийся силуэт Насти.

Он постоял на месте минуты две-три, выкурил сигарету и пошел обратно, в квартиру Юли. Там почти все были уже пьяные и читали стихи.

– Я очень рада, что ты вернулся, – шепнула Антону на ухо Юля, когда тот сел за стол.

Он ничего не ответил, а только наливал себе рюмку за рюмкой. Ему стало легко и хорошо. Гости постепенно рассасывались, а он, отягощенный водкой и впечатлениями вечера, все сидел и смотрел в одну точку. Наконец он собрался пойти к себе в общагу. И тут он услышал горячий шепот прямо в ухо:

– Тоша, ты не можешь идти в таком состоянии. Может быть, останешься здесь?

Антон несколько секунд думал, потом махнул рукой и сел обратно на диван.

– Да, я останусь, – поднял он мутные глаза и встретил участливый взгляд Юли.

Глава 1

Лариса Котова сидела в своем кабинете и раздумывала о бренности жизни. В общем-то, можно было уже идти домой, но не хотелось. Отношения с мужем у нее были до предела сложными, и степень этой сложности зависела от количества выпитого им горячительного напитка. Периодически она выгоняла своего благоверного из дома, и каждый раз казалось, что «навсегда»...

Но их дочь желала видеть своего папочку ежечасно. И папочка с радостью возвращался, когда Лариса немного остывала. Лариса особой радости от возвращения Евгения не испытывала, но все же с мнением Насти считалась.

В данный момент Евгений находился дома, отдыхая от своих праведных бизнесменских трудов, и наверняка потягивал какую-нибудь жидкость крепостью не менее сорока градусов. Скорее всего, джин «Гордонс». Лариса даже зримо представляла его, вальяжно расположившегося у камина на диване, лениво переключающего телевизионный пульт. У изголовья его ложа находилась та самая бутылка, которая обычно через полтора часа валила Евгения за мертво.

Лариса вздохнула и, встав с кресла, обошла вокруг стола. Взяв сигарету и зажигалку, она подошла к окну и, закурив, осталась стоять около него. Она находилась в кабинете своего собственного ресторана «Чайка». Она имела деньги, жизнь ее была наполнена событиями и приключениями – иногда она помогала кому-нибудь разобраться с криминальными проблемами. Но сейчас она чувствовала пустоту и скуку.

«Господи, – с тоской подумала Лариса, – любовника, что ли, завести?»

Она вернулась к столу и, стряхнув пепел сигареты в пепельницу, села в кресло.

«Где его только найти, – размышляла она дальше, – разве что среди своих посетителей?»

И она невзначай посмотрела на маленький экран монитора, который отражал все, что происходило в зале ресторана. Это было нововведение, которое имело место в «Чайке» уже месяц. Собственно, сегодня там ничего особо интересного не происходило. На весь вечер ресторан снял какой-то новоиспеченный депутат городской думы, и в данный момент по поводу светлого события его избрания высказывался толстенький человек в дорогом костюме. Лариса с усмешкой отвернулась. Уж этот толстяк ей никак в любовники не годился.

Она, снова вздохнув, встала и совсем уже собралась ехать домой. Оглядевшись напоследок кабинет, она потянулась к выключателю, но в это время на экране появилось лицо женщины. Брюнетка, с большими карими глазами, с хорошо очерченным и плотно сжатым ртом, она производила довольно интересное впечатление... Если бы не презрение, сквозившее во взгляде, в жестах, во всей ее прямой и хорошо сложенной фигуре. Женщина как будто заметила, что за ней наблюдают, и отошла подальше от установленной в зале потайной видеокамеры, на экране снова возник толстый мужичок.

«Черт, где-то я видела уже лицо этой брюнетки, причем совсем недавно!» Ларисе почему-то расхотелось уходить домой, и она вернулась за стол. Отодвинув кресло и опершись об него коленкой, она уже с интересом наблюдала за происходящим на экране. Подождав еще минут пять, она вышла в коридор и прошла в зал. Приближаться к гуляющей компании она не стала, а расположилась за колонной. Торжество было в самом разгаре, компания, состоявшая в основном из солидных людей среднего и пожилого возраста, изрядно набралась.

На Ларису никто не обращал внимания: у собравшихся здесь людей были несколько другие цели. Лариса же очень внимательно наблюдала за той самой женщиной, лицо которой она видела на экране, одновременно пытаясь вспомнить, где же она могла ее видеть. Дама в свою очередь держалась непринужденно и снисходительно. Казалось, что она играет понятную только ей роль.

Стоп! Ну, конечно! Лариса даже слегка стукнула себя по лбу.

Это же Анастасия Николаевна Горецкая! Одна из самых лучших актрис тарасовского драмтеатра. Говорят, она когда-то снималась и в кино, но картин с ее участием Лариса не видела, а может, просто не помнит. Ведь вряд ли она снималась в главной роли.

Тут Лариса услышала за спиной приглушенные шаги и, обернувшись, увидела своего заместителя Степаныча. Вернее, звали его Дмитрий Степанович Городов, но из-за своей грубой мужицкой внешности и несколько стариковского менталитета, помноженного на постоянное скептическое ворчание, он заслужил именно это обращение. Так его звала не только Лариса, но и остальной персонал ресторана, включая его непосредственных подчиненных.

Вопросами сдачи зала в аренду занимался исключительно он, и Лариса тут же поинтересовалась – кто это у них сегодня в гостях.

– Да это же Клубнев Иван Сергеевич, – растирая свое красное лицо руками, сообщил Степаныч. – Его благополучно-таки избрали в депутаты. По этому поводу и пирушка, надрались уже, как свиньи, – неодобрительно добавил он. – Как бы не заблевали тут все...

И Степаныч, отличавшийся поразительным умением в любом явлении видеть лишь самые негативные стороны, шумно выдохнул.

Лариса снова перевела взгляд на гуляющую компанию. В этот самый момент со своего места поднялся сам Клубнев и попытался толкнуть речь.

– Я очень благодарен вам всем за ту поддержку, и моральную, и материальную, которую вы мне все оказали. Дружба – она всегда познается в экстремальных ситуациях, и с уверенностью можно сказать, что здесь собрались настоящие друзья. Очень благодарен моей Настеньке. Спасибо тебе, мое золотце, – он попытался поцеловать сидевшую рядом Горецкую, но та только раздраженно отмахнулась.

– Перестань, пожалуйста, – процедила она.

Лариса стояла достаточно близко к столу и поэтому расслышала все прекрасно.

– Она что, жена этого депутата? – шепотом спросила она у Степаныча.

– Угу, – угрюмо буркнул он, наблюдая за компанией своими почти всегда воспаленными глазами-жучками.

– Я очень хочу, чтобы и впредь, – продолжал между тем Иван Сергеевич, – мы собирались со всеми вами здесь, за таким же обильным и большим столом. Я очень благодарен вам за то, что вы все у меня есть. Давайте за это и выпьем.

Из присутствующих никто не возразил против такого предложения, и все дружно опрокинули рюмки в свои глотки. Клубнев, поставив рюмку на стол, встал со своего места и нетвердой походкой поплелся к мужчине, сидевшему через несколько мест от него. Тот сидел спиной к Ларисе, и рассмотреть его она не могла. Зато прекрасно заметила, каким взглядом его одаривала сама Горецкая.

«Ого, – подумала про себя Лариса, – а здесь, похоже, кипят настоящие и совсем не театральные страсти».

– Юрка, друг, – Клубнев благополучно добрался до предмета страсти Горецкой и с трудом рухнул рядом, – ты самый лучший друг. Ты знаешь об этом? – Клубнев пьяно обнял «друга» за плечи и стал почти что кричать ему в ухо.

Судя по тому, как Юрка был одет, он был главным спонсором всей предвыборной кампании Клубнева. Он слегка отстранился от Ивана Сергеевича и повернулся к Ларисе в профиль. Клубнев что-то упорно говорил ему, тот же со всем соглашался и для пущей убедительности постоянно кивал головой. Профиль у «спонсора» был просто классический: прямой греческий нос, тонкие губы. На вид его возраст колебался от тридцати пяти до сорока пяти. Выглядел он просто шикарно.

«А Горецкая не дурочка, – усмехнулась про себя Лариса. – Вот этого, наверное, она и сама могла бы выбрать себе в любовники. Хотя... Скорее нет – он больше наверняка ухлестывает за молоденькими длинноногими дурочками, а на Горецкую если и клюнул, то только из-за мужа.

Наверняка тот ему зачем-нибудь нужен, не просто же так он дал ему денег. Хотя, конечно, может, они и на самом деле друзья...»

Ее мысли прервал пьяный крик того самого толстого мужичка, которого Лариса видела на экране у себя в кабинете.

– Я предлагаю выпить за звезду, озарившую небосвод нашего города, – с пафосом восклицал он. – Она засияла там так, как никто до нее не сиял. Она даже не звезда, а целое созвездие ярких звезд, каждая из которых воплощает одно из ее достоинств!

Толстяк кричал так, как будто все присутствующие находились в пустыне, а он являл собой глас божий и боялся, что кем-то не будет услышан. У Ларисы даже в ушах зазвенело от этого противного жидкого тенорка.

– Я думаю, что вы все уже поняли, – продолжал орать мужик, – что этот тост я предлагаю за Анастасию Николаевну.

Та, судя по всему, не была в восторге от тоста, но все-таки, слегка привстав и кисло улыбнувшись, поблагодарила.

– Спасибо тебе, Влад, но зачем столько эпитетов! Если бы все это было верно, то я бы не уехала из Москвы, – как-то даже слишком скромно произнесла она.

– О, тогда мы потеряли бы прекраснейшую из женщин, – пробасил чей-то голос справа.

Толстый мужичок тем временем засеменил к Горецкой, наверное, для поцелуя, но та, предвидя такой поворот событий, протянула ему руку, и тому ничего не оставалось, как довольствоваться этим. Однако он и из этой ситуации попытался вытянуть максимум приятного для себя. Поцеловав актрисе пальцы, он с жаром и пылкостью перекинулся выше и, не встречая особого сопротивления, дошел до плеча.

– Влад, перестань, пожалуйста, дурачиться! – оторвал его от этого занятия новоиспеченный депутат Клубнев. – Это все-таки моя жена, и при мне клеить ее неприлично!

– Понял, – довольно хмыкнул Влад, – буду клеить ее без тебя.

Вся компания довольно засмеялась, а Горецкая с неприязнью посмотрела на мужа и тут же отвернулась, не забыв при этом скользнуть взглядом в сторону «друга» Юрки. Тот был достаточно сумрачен и шутку не поддержал.

– Анастасия Николаевна, – сладким голосом начала подсевшая к ней дама лет шестидесяти.

«Очень сухонькая, но сильно молодящаяся, – мысленно прокомментировала ее появление Лариса. – В ее возрасте пора сменить губную помаду на что-то более спокойное и не такое броское. А волосы совсем не обязательно красить в фиолетовый цвет. Каштановый подошел бы лучше».

– А это правда, – продолжила дама заговорщицким шепотом, – что Маша Астафьева – любовница Якушева?

– А? Что? – рассеянно посмотрев в сторону экзальтированной особы, переспросила Горецкая и тут же машинально ответила: – Кажется, да.

– Какой ужас! – зашептала дама. – Она же совсем еще девочка. Ну и нравы пошли... В наше время такого не было. Якушев ей просто в папы годится. Какой ужас! А ведь у него была любовница. Как же она перенесла отставку?

– Я не знаю, нормально, наверное, – равнодушно ответила Горецкая. – Завела себе другого. В чем же проблема?

– Ну, я не знаю, – протянула дама с фиолетовыми волосами. – А как на все его проказы смотрит жена?

– А что жена? – даже с каким-то вызовом переспросила Горецкая. – Она-то уж, наверное, не страдает от этого.

– Да она у него просто душка, как от такой куколки можно ходить налево? – патетически возмущалась дама. – Не понимаю... Да, – махнула она рукой, – все мужики одинаковы. У вас, наверное, тоже такие же проблемы? – вдруг игриво поинтересовалась она.

Горецкая совсем не ожидала такого поворота темы и растерянно пожала плечами.

– Я думаю, что нет, – не совсем уверенно ответила она.

Разговор был ей явно неприятен, и она отвернулась.

– А все-таки Якушев – чудо! – мечтательно закатив глаза, встала со своего места дама.

Похоже, она сама была не прочь заполучить его себе в любовники. Но, наверно, возраст все-таки не позволял.

Лариса вздохнула и пошла к себе в кабинет. Там она, потянувшись, попросила Степаныча принести ей кофе и какой-нибудь легкий салат из морепродуктов. Ей опять стало скучно. Проблемы у всех были одинаковые. Наверняка та же Горецкая, приходя домой, тихо ненавидит своего мужа и страстно мечтает о каком-нибудь поклоннике.

Беззвучно открылась дверь, и в кабинет вошел Степаныч, неся на подносе кофе, салат и мартини. Последнее он прихватил на всякий случай, и это в данном случае пришлось кстати.

– Спасибо, – поблагодарила Лариса, – ты, как всегда, предусмотрителен.

Степаныч неуклюже поклонился, шутливо изображая галантного кавалера, и, слегка улыбнувшись, вышел. Лариса, еще раз мельком взглянув на экран монитора и отметив в очередной раз, что Горецкую она видела не только в театре, выключила изображение.

Немного погодя она включила небольшой телевизор JVC, который стоял на тумбочке. На экране тут же возникла довольно миленькая дикторша, которая объявила о продолжении программы «Новости» на местном канале и передала слово своему коллеге, который должен был ознакомить телезрителей с криминальной стороной провинциальной жизни.

На экране замелькали улицы Тарасова. Их снимали из белой милицейской машины с мигалкой. Камера остановилась на здании «Салона красоты», постепенно размывая изображение и фокусируя его на молодом человеке с микрофоном в руке. Он бодрым голосом, с довольно оптимистической интонацией начал рассказывать о недавнем убийстве в районе мясокомбината. Потом он вскользь упомянул о парочке пьяных драк в Заводском районе, закончившихся очень неудачно для их участников – два человека оказались в результате на кладбище. И, наконец, сделав паузу, он перешел к главному событию – трупу, найденному с ножом в груди в городском парке «Липки». Ларисе даже показалось, что репортер сожалеет о том, что за прошедшую неделю так мало произошло убийств. Настолько плотоядным было выражение лица человека, который рассказывал об этих в принципе не очень веселых происшествиях.

Лариса отпила кофе и налила в бокал немного мартини, не переставая при этом смотреть на экран телевизора. Изображение молодого человека, с оптимизмом вещавшего о смертях других, наконец сменилось кадрами, снятыми на месте происшествия.

«Два дня назад, – вещал голос за кадром, – в парке «Липки» был обнаружен труп мужчины с ножевыми ранениями в области груди. При нем нашли заграничный паспорт, подтверждавший, что этот человек являлся гражданином Республики Конго. Имя убитого – Андрэ Амбесси, 1970 года рождения. Если кто-нибудь знает этого мужчину и может что-либо сказать, городское УВД просит позвонить по телефонам: 02, 86-75-34 или 86-98-76. Анонимность гарантируется».

Номера телефонов застыли на экране на фоне увеличенной фотографии конголезца. Лицо его было слегка поцарапано, а в открытых глазах стоял ужас, смешанный с удивлением. Тело было прикрыто простыней. При виде фотографии Лариса, чуть не расплескав бокал, поставила его на стол и тут же потянулась за ручкой, чтобы записать номера телефонов. При этом она не сводила взгляд с экрана. В горле у нее пересохло.

Прикрыв глаза, она наконец-то совершенно отчетливо вспомнила, где видела этого негра. Примерно неделю назад он посещал ее «Чайку». Спутать она не могла. Личность конголезца была слишком колоритной. Лариса потеряла виски, пытаясь вспомнить подробности...

* * *

...Был будний день, и в ресторане в обед почти не было посетителей. Сама Лариса находилась в зале, когда в дверь вошла очень странная парочка. Несмотря на то, что ворота Тарасова уже десять лет были открыты для иностранцев, появившийся в проеме двери негр не мог не привлечь внимания. Для российского города, тем более провинциального, это был элемент экзотики. Но еще больше привлекала внимание его спутница. Это была уже не молодая, примерно раза в два старше своего спутника, но прекрасно сохранившаяся дама, блондинка в темных очках.

Лариса тогда с интересом отметила эту необычную парочку и невольно заинтересовалась ими. Оглядевшись вокруг, они прошли за угловой столик. Мужчина, галантно отодвинув стул, усадил даму и только после этого сел сам. Заказав тогда что-то чисто символическое, они оживленно заговорили. Они находились далеко от Ларисы, и слышать их разговор она не могла, да в общем-то и не хотела.

Больше говорил мужчина, а дама только слушала, снисходительно наклонив голову. Андрэ – теперь-то Лариса знала, как его зовут, все больше волновался и размахивал руками. Затем он в пылу разговора приблизил свое лицо к лицу собеседницы так близко, что та невольно отшатнулась; было заметно, что она испугалась, но это быстро прошло. Она, похоже, пыталась его в чем-то убедить, но большие губы конголезца на этот раз стали совсем узкими. Было видно, что он не согласен с ее доводами. Он снова стал жестикулировать и говорить что-то резкое.

После этого дама в темных очках вдруг встала и решительно вышла из ресторана. Андрэ остался сидеть за столиком. Сидел он недолго – может быть, минуты две. Он оставил деньги на столе и в задумчивости покинул «Чайку».

Тогда Лариса спешила по каким-то своим делам и вскоре забыла эту историю и странную пару – молодого негра, скорее даже мулата, и молодящуюся блондинку постбальзаковского возраста.

Но сейчас картина того дня совершенно четко реставрировалась в ее голове. И она потянулась к трубке телефона.

Лариса набрала записанный номер, включив одновременно камеру, показывавшую происходящее в зале. Там наметилось некое оживление, связанное с тем, что участники банкета парами покидали ресторан, собираясь, видимо, дальше развлекаться на квартире или на даче.

Трубку сняли довольно быстро, и Лариса тут же объяснила, что она располагает сведениями по поводу личности убитого в «Липках».

– Минуточку, я соединю вас со следователем, – сказал женский голос на том конце провода.

– Следователь Карташов слушает, – услышала Лариса через несколько секунд и тут же обрадованно подскочила.

Дело в том, что Олег Валерьянович Карташов был давним ее знакомым. Они встречались несколько раз во время ее прошлых криминальных приключений. По мнению Ларисы, Карташов должен был быть ей благодарен за то, что несколько «висяков» перестали быть таковыми.

– Добрый вечер, Олег, – приободрившимся голосом начала Лариса. – Это Котова. Я думаю, вы меня помните?

– Конечно, конечно, – после некоторой паузы удивленно и одновременно слегка настороженно сказал тот. – Очень рад.

– У меня есть некоторые сведения о конголезце, которого нашли в «Липках», – по-деловому сказала Лариса. – Может быть, вы заедете ко мне в «Чайку»?

– Да? – как-то недоверчиво переспросил Карташов. – Ну что ж, наверное, заеду... Можно прямо сейчас?

– Конечно, можно, – ответила Лариса и положила трубку.

Карташов не заставил себя долго ждать, и уже минут через двадцать Степаныч провел его в Зеленый кабинет, который использовался Ларисой для встреч конфиденциального и личного характера. Время до его прихода директор «Чайки» провела в каком-то напряжении и толком не могла понять, почему. Она чувствовала себя слегка возбужденной и встревоженной. Этот негр никак не выходил из головы. Да и дама, которая была с ним, тоже казалась Ларисе знакомой.

Интересно, что могло связывать достаточно молодого африканца и эту выглядевшую очень богемно сексуальную даму? Хотя почему бы и не заподозрить в этом во всем любовную связь? Стареющие женщины вообще падки на всякую экзотику. Но разговаривали они не очень любовно...

– Прошу вас, присаживайтесь, Олег, – указывая на кресло, предложила Лариса.

– Очень рад снова встретиться с вами, – улыбка следователя показалась Ларисе даже искренней. – Что же вы хотели мне рассказать?

– Может, что-нибудь выпьете?

– Если только пиво.

– Хорошо.

Лариса снова позвала Степаныча и попросила его принести пиво. Через минуту тот внес в кабинет две банки «Гиннеса». Карташов, удобно устроившись в кресле и открыв банку, приготовился слушать.

– Дело в том, – начала Лариса, – что где-то с неделю назад этот самый негр приходил ко мне в ресторан.

– Да? И что? – спросил Карташов.

– И приходил не один, а с дамой куртуазной внешности лет пятидесяти. И разговор их носил, так скажем, не очень дружеский характер. В конце дама встала и ушла.

– Очень интересно, – поставив банку на стол, задумался следователь. – И это все?

– Да, – простодушно ответила Лариса.

– Что ж, информация чрезвычайно содержательная, – ехидно заметил в ответ Карташов.

– Может быть, теперь расскажете мне, что вы знаете об этом деле?

Карташов вопросительно посмотрел на Ларису. И тут вошел официант, который нес на подносе блюдо из сома под названием «Тихий омут», сырное ассорти и пудинг с вишневым вареньем.

Оперативник, который нечасто баловал себя подобными деликатесами, оценил угощение быстро. В конце концов, эта дама по имени Лариса несколько раз уже помогала ему сохранять репутацию в глазах вышестоящего начальства. Она постоянно умудрялась оказываться в центре криминальных событий и распутывать достаточно сложные истории. Преступники в результате ее действий оказывались в тюрьме. И Карташов, несмотря на то, что рассказ Ларисы ровным счетом ничего не прояснял в деле, решил поделиться с ней информацией. Тем более что это было не деликатно – так вкусно поесть и ничем не отблагодарить гостеприимную владелицу ресторана.

– Конечно, – сказал вслух Карташов, глотая слюну в предвкушении пиршества. – Хотя ничего стоящего я, пожалуй, сказать не смогу. То, что труп нашли два дня назад, ты уже наверняка слышала по телевизору, – неожиданно перешел он с Ларисой на «ты».

– Так. Продолжай, – в тон ему ответила Лариса.

– Мы выехали на место. Труп обнаружила молодая пара. Было уже достаточно темно, и они сначала решили, что негр просто пьян. Если бы девушка не заметила лужицу крови, то так бы и прошли мимо. Документы у него все были на месте. Рядом с телом валялась легкая косынка. По-моему, этот материал называется то ли шифон, то ли газ, – Карташов неопределенно поиграл в воздухе руками. – Но это не столь существенно. Гораздо важнее, что тут же был обнаружен пакетик с анашой.

– Его убили ножом?

– На теле множество ножевых ранений в области груди. Все лицо поцарапано, похоже, ногтями. Следов уколов вроде бы нет. Но пакетик с анашой настораживает. Вот, пожалуй, и все.

– Да уж, не густо, – пробормотала Лариса, – интересно, правда, как попала туда эта газовая косынка. Вряд ли она принадлежала негру.

– Да, ему она точно была не нужна, – согласился следователь.

– И анаша... – протянула Лариса. – Если он занимался наркотой и его пристукнул кто-то из своих, то зачем же оставлять этот пакет? Логичнее взять его с собой.

– Я об этом уже думал. Все это странно, – снова поддакнул Карташов, с удовольствием уплетая рыбу.

– А эта парочка, которая его обнаружила? Они никак не могли?

– Да вроде бы нет. Проверили мы их. Оба студенты, из приличных семей, только поженились. С наркотой связаны не были...

Лариса бросила рассеянный взгляд на монитор. Банкет еще не закончился. И тут она, взглядевшись в лицо Горецкой, поняла, почему оно привлекло ее внимание. Она видела ее недавно не в театре. Лариса уже давно не посещала спектакли местного драмтеатра. Просто это была или та самая куртуазная дама, приходившая сюда вместе с негром, или Горецкая очень на нее похожа. По крайней мере, чертами лица. Конечно, та дама была блондинкой, а Горецкая – яркая брюнетка. Но ведь парики еще в ходу, и никто не запрещает эксцентричным женщинам пользоваться ими.

И Лариса поспешила поделиться информацией с Карташовым.

– Олег Валерьянович, мне кажется, что та дама, с которой у меня в ресторане был убитый негр, – это Горецкая... При чем пришла она на встречу с ним в парике.

– Кто такая Горецкая? – недоуменно спросил Карташов.

– Ведущая актриса драмтеатра. И ее ты сейчас можешь видеть на этом мониторе.

Следователь еще более недоуменно уставился на экран.

– Здесь она брюнетка, а с негром приходила сюда как блондинка.

Карташов нахмурился и подозрительно посмотрел на Ларису.

– А тебе не показалось?

– Я не уверена на все сто, но все это вполне возможно...

– И что же она хотела тогда от этого конголезца?

– Или он от нее, – уточнила Лариса.

– Ну да. Или он от нее, – задумчиво повторил Карташов. – Но это точно была она?

– Я еще раз повторяю – она тогда была в темных очках и с другой прической. Впрочем, это мог быть просто парик.

– Ну ладно, все равно, видимо, ей придется заняться... – произнес Карташов, и в его интонации зазвучали некие зловещие нотки типа «ну, сейчас мы с ней разберемся!».

– А это кто рядом с ней? – спросил Карташов, указывая на Клубневу.

– Ее муж, с недавнего времени депутат городской думы, – ответила Лариса.

– Ого, – присвистнул следователь и поморщился. – Черт, это немного меняет дело. Не люблю я этих депутатов и их жен. С ними слова не скажешь без особого разрешения.

– Очень тебе сочувствую, – усмехнулась Лариса. – Но это твоя работа.

– А может быть, ты, Лариса, возьмешься за это дело? – осторожно спросил он. – У тебя же есть большой опыт.

– У меня нет совсем мотивов для этого, – возразила Лариса.

Однако эти слова были скорее кокетством, нежели отражением ее действительного мнения. Она в последнее время стала ощущать, что ей не хватает приключений, которыми она постоянно разнообразила свою жизнь.

– Лариса, у тебя ведь обычно хорошо получается, – продолжил нажим Карташов. – Я с твоей помощью получил кучу благодарностей от начальства.

– Ты предлагаешь мне продолжить благотворительность? – улыбнулась Лариса.

– Мне кажется, что ты без этого жить не можешь.

– Без чего?

– Без того чтобы куда-нибудь не вляпаться. И потом почему-то, глядя на тебя, я чувствую, что тебе скучно.

Карташов посмотрел на Ларису в упор, и та опустила глаза.

– Итак, ты поможешь мне?

– В чем может выражаться моя помощь? И как это все будет выглядеть?

– Я могу тебя взять стажером, – сказал следователь.

– Вот это да! – снова улыбнулась Лариса. – Хорошая должность для человека, благодаря которому ты получил кучу благодарностей.

– Не обижайся. Просто дело в том, что линией Горецкой удобно заняться тебе, а не мне как официальному лицу. И не убеждай меня в том, что это дело тебя не заинтересовало. Иначе ты бы не позвонила мне.

В словах Карташова была доля правды, и Лариса это не могла отрицать. Она немного помолчала, потом уже по-деловому сказала:

– Я думаю, надо начать с личности убитого. Горецкой я займусь сама, потом... Известно, где он жил?

– Только несколько часов назад выяснили, – с готовностью ответил Карташов. – Квартиру снимал у одной старушки. Завтра я еду туда утром. И могу взять тебя с собой.

Поскольку Лариса ничего не возразила, Карташов принялся за десерт. Зал ресторана тем временем опустел. Загулявшая депутатская компания, уже несколько раз собиравшаяся на выход и все время откладывавшая свое отбытие, наконец покинула «Чайку».

Лариса, посмотрев на часы, устало сказала:

– Кажется, пора по домам.

Она встала с кресла. Карташов, допив кофе, поблагодарил ее и тоже встал.

– Я могу подвезти, – предложила Лариса, закрывая кабинет и направляясь к заднему выходу.

– Если можно, – слегка смутился следователь, послушно идя за ней, – хотя мне недалеко.

– Вот и отлично, – констатировала Лариса.

Глава 2

Дома Лариса застала уже ставшую обыденной картину. Муж пьяно храпел на всю спальню, и она, закрыв дверь, чтобы хоть немного приглушить эти звуки, решила, что будет лучше, если она поспит на диване в гостиной.

Заглянув к дочери и убедившись, что она тоже находится в объятиях Морфея, Лариса прошла в ванную. Постояв минут пять под холодной водой и слегка успокоившись, она постелила себе постель и довольно быстро заснула.

Утро началось с будильника, причем звон раздался из спальни. Лариса вскочила с дивана и не сразу сообразила, откуда идет звук. Но как только ясность восстановилась в ее голове, она тут же бросилась выключать звонок: видеть невыспавшуюся, похмельную морду своего благоверного у нее не было ни малейшего желания.

Убедившись, что драгоценный покой храпуна-мужа не нарушен, она с облегчением вздохнула и пошла на кухню готовить завтрак. Настя в очень скором времени уедет в лагерь, Лариса ждала этого момента с нетерпением. Тогда в защиту Котова выступить будет некому. И она наконец-то поживет в тишине и покое.

Она уже заканчивала завтрак, когда в дверях кухни возник муж.

«Вот черт, – подумала про себя Лариса, – не успела я спокойно уехать по делам. Сейчас начнется».

– Ты где вчера была? – подперев косяк для сохранения равновесия, поинтересовался Евгений.

– Тебя это не должно касаться, – отрезала Лариса, все еще надеясь избежать ссоры.

– Ты, между прочим, моя жена, – морщась, проговорил Котов. – По крайней мере пока...

– Что, головка бо-бо? – ехидно заметила Лариса, обратив внимание на его подвижную мимику. – Опять вчера был перебор?

– Лариса, у меня нервная и очень напряженная работа, – напыщенно затынул свою излюбленную волынку муж.

Теперь поморщилась она. Но тут же заявила безапелляционным тоном:

– Я не обязана тебе ни в чем отчитываться. Но все-таки скажу: у меня были дела, и я задержалась у себя в «Чайке». Устраивает? И вообще, прекрати, пожалуйста, свои претензии. Ты находишься в этой квартире только потому, что так хочет наша дочь. Кстати, после ее отъезда в лагерь я не хочу тебя здесь видеть. А теперь, извини, мне пора. У меня куча дел.

Котов хотел было что-то сказать, но, не найдя подходящих аргументов для возражений, только махнул рукой.

Лариса встала из-за стола и осторожно, как драгоценную вазу, обошла мужа. Еще вчера она договорилась с Карташовым, что сегодня с утра они вместе съездят на квартиру таинственного конголезца Андрэ. Милиция через фирмы, занимавшиеся недвижимостью, выяснила, что он снимал комнату у какой-то бабульки в центре города.

Она заехала на «Вольво» за Карташовым, и через час они уже были у дома, в котором снимал комнату Андрэ Амбесси. Это была обычная девятиэтажка, стоявшая на одной из центральных улиц.

– Какой этаж? – спросила Лариса.

– Третий.

– Тогда дойдем без лифта. Ходить пешком полезно.

Олег только пожал плечами и молча пошел вверх.

– Он жил вместе с хозяйкой? – поинтересовалась Лариса, когда они почти уже поднялись.

– По-моему, нет, – пожал плечами следователь. – Сама Галина Семеновна сейчас живет на даче. Мы вызвали ее только вчера.

Нажав на звонок, им пришлось подождать минуту, прежде чем они услышали шаги. Затем наступила тишина: вероятно, хозяйка тщательно рассматривала пришельцев в «глазок». И только после этого дверь открылась. На пороге стояла женщина лет примерно шестидесяти и рассматривала гостей с открытой неприязнью. Она была одета в домашний халат и тапочки.

«И что мы ей плохого сделали? – подумала Лариса. – Можно подумать, это мы ей подсушили этого африканца в квартиранты».

– Следователь Волжского РОВД Карташов Олег Валерьянович, – представился Олег, доставая удостоверение. – А это наш стажер, – махнул он рукой в сторону Ларисы.

Она слегка усмехнулась, но вовремя спохватилась и, сделав серьезное лицо, коротко представилась:

– Лариса.

– Мы с вами вчера договаривались о встрече, – начал Олег и замолчал, ожидая хоть какого-то ответа от хозяйки.

– Проходите, – буркнула она как-то очень недовольно.

«Вот старая плесень, – с неприязнью подумала Лариса. – Как деньги получать в долларах, так это ничего, а как отвечать, так посмотрите – какие мы сердитые!»

Они прошли по коридору и, миновав одну дверь, вошли в небольшую комнату.

– А комната, где жил Андрэ? Это та, мимо которой мы прошли? – поинтересовалась Лариса, входя в образ стажера.

– Да, он там живет, – сухо ответила хозяйка. – Только я уже несколько дней его не видела. А что, он что-нибудь натворил?

– Галина Семеновна, расскажите, пожалуйста, когда Андрэ появился у вас? – начал Карташов, усаживаясь без приглашения на старую софу и не обращая внимания на вопрос хозяйки. – И вообще, как вы его нашли? Или он вас?

– Как нашел? Да очень просто, – скрипучим голосом ответила Галина Семеновна. – Как все, по объявлению. Я дала объявление в фирму, что сдаю комнату... Примерно месяц назад он и позвонил. То, что он черный, меня, конечно, удивило. Я даже хотела ему отказать, но он сказал, что заплатит в долларах. Сейчас это как-то постабильнее, чем рубли. К тому же его зовут прямо как моего первого внука – Андрей. Я его Андрюшей и звала. А у меня дочка недавно вышла замуж. Скоро родить должна. Деньги очень нужны, – зачем-то суетливо стала оправдываться она. – Комната ему понравилась, к тому же я на дачу должна была уехать.

– А вы не боялись, что он вас ограбит?

– Да что у меня брать-то! – развела она руками, призывая гостей в свидетели того, что брать у нее действительно нечего. – К тому же моя комната запирается на замок.

– А вас не удивило, что иностранец не хочет останавливаться в гостинице?

– Удивило, конечно, – утвердительно кивнула хозяйка. – Только эти иностранцы – они тоже все со странностями. Может, он сэкономить хотел. В гостинице-то поди дороже. К тому же и приготовить у меня можно самому. А то с их ресторанской пищи совсем загнуться можно.

Галина Семеновна махнула рукой, демонстрируя свое пренебрежение к любому проявлению общепита и уверенность в превосходстве домашней кухни.

– А с кем он общался, вы не в курсе? – рассматривая фотографию в серванте, спросил Карташов.

– Говорю же, что меня здесь не было, – как-то слишком раздраженно ответила Галина Семеновна. – Откуда я могу это знать?

– А может быть, нам его комнату осмотреть? – предложила Лариса.

Эта бабка начинала ее раздражать.

– Да, пожалуйста, проходите, – отойдя от двери, у которой она стояла, пробурчала хозяйка.

Карташов с Ларисой прошли в комнату. Она была меньше первой. В ней стояли только письменный стол, шкаф, книжная полка и кровать. Все было чистенько и аккуратно.

В этот момент в дверь позвонили. Лариса и Олег почти одновременно вздрогнули и переглянулись.

– Вы кого-то ждете? – шепотом спросил Карташов.

– Нет, – так же шепотом ответила Галина Семеновна. – Открывать можно?

– Конечно, можно, – разрешил Карташов. – Только я, пожалуй, постою рядом с вами.

Приоткрыв дверь сначала на цепочку, Галина Семеновна обнаружила на лестничной площадке свою соседку из квартиры напротив, Марью Васильевну. Хозяйка закрыла дверь, чтобы снять цепочку, и через секунду открыла ее вновь.

– Ты приехала, что ли? – начала соседка, еще не переступив порог. – А то я смотрю тебя совсем не видно, а ходит только какой-то негр. Просто жуть!

Марья Васильевна зашла в прихожую и тут же, увидев посторонних людей, осеклась и растерянно проговорила:

– Здравствуйте. Ой, Семеновна, ты извини, у тебя гости, я как-нибудь в другой раз зайду. Ты когда обратно-то на дачу поедешь? Скоро?

– Следователь Волжского РОВД Карташов Олег Валерьянович, – тут же взял инициативу в свои руки Карташов, проворно выхватив из кармана свое удостоверение. – Я думаю, что вы как раз зашли вовремя.

Марья Васильевна, слегка побледнев и испуганно всплеснув руками, поднесла их ко рту и вытаращила глаза. Потом, опомнившись, она с ужасом спросила:

– Господи, а что случилось-то? С дочкой что?

– Совсем, что ли, рехнулась?! – отмахнулась от нее, как от нечистой силы Галина Семеновна. – Это же надо такое сказать! Вон жильца моего ищут, – мотнула она головой в сторону Ларисы и Олега.

– Да мы вообще-то его уже не ищем, мы его нашли. – Карташов сделал скорбное лицо и добавил: – Вот только он этого уже не узнает.

– Пьяный, что ли? – недоуменно покосилась на следователя Галина Семеновна.

– Мертвый, – коротко сказал Карташов.

– Батюшки! – опять всплеснула руками сердобольная соседка. – И кто же это его? Вроде бы он здесь тихо все время жил, не хулиганил...

– С ножом в груди нашли его в городском парке.

– Ужас какой! – прижала руки к груди Галина Семеновна.

– А вы случайно не видели, кто к нему ходил? С кем он встречался? – осторожно поинтересовался Олег.

– Да, я его часто встречала. Все время один, – Марья Васильевна задумалась, стараясь припомнить. – Нет, никого не видела... Вот только, – она уже в который раз всплеснула руками, – женщина к нему приходила. Не скажу, что часто, я ее раза два примерно видела, ну, или три. Точно уж не помнишь.

– А какая женщина? – встрепелась Лариса.

– Ну какая, обычная. Вот только старовата она для него. Возраст-то уже у нее не молодецкий. Хотя, – махнула она рукой, – сейчас нравы-то какие, сами знаете. Все перепуталось, ничего не поймешь. То ли муж с женой, то ли мама с сынком, то ли папа с дочкой, – сокрушенно вздохнула она.

Все это время Галина Семеновна неодобрительно посматривала в сторону соседки и участия в разговоре не принимала. Ей, похоже, было все равно, лишь бы побыстрее все убралось и дали спокойно заниматься своими дачными делами.

– А вот, посмотрите, – Карташов достал фотографию Горецкой, – эту женщину вы здесь не видели?

Марья Васильевна взяла фотографию и поднесла ее поближе к глазам. Рассматривала она ее достаточно долго.

– Н-нет, – протянула она как-то неуверенно, – кажется, не видела.

– Вы посмотрите внимательнее, – настаивал Карташов. – Может быть, прическа у нее была другая или макияж.

Марья Васильевна наморщила лоб и стала снова изучать глазами фотографию. Пауза затянулась. Олег нетерпеливо переминался с ноги на ногу, но поторопить не решался.

– Вроде бы как похожа она на ту, которая сюда приходила, – наконец заговорила старушка. – Но точно утверждать не могу. Та блондинка была, а эта вон темная какая-то.

– А вы представьте ее со светлыми волосами, – перебил ее следователь.

– Ну, может быть, и она, – снова неуверенно произнесла Марья Васильевна. – Вроде похожа.

– Так кажется или она? – немного резковато насел на бабульку Карташов. – Узнать сможете, если что?

– Нет, узнать не могу, – категорично вдруг отрезала Марья Васильевна. – Да и идти мне надо. И так вон как задержалась! А у меня еще не сварено ничего.

И старушка направилась в сторону двери.

– Так ведь и весь день можно проболтать! – продолжала ворчать она.

– Вы отказываетесь нам помочь? – повысил голос Карташов.

– Не знаю я ничего, не знаю... – Марья Васильевна взялась за ручку двери. – Приведите мне ту блондинку, тогда я скажу, а так – не знаю... Семеновна, давай выпускай меня отсюда!

Галина Семеновна, с неприязнью окинув взглядом своих непрошенных гостей, отперла дверь и выпустила соседку на лестничную площадку. Она явно намекала Ларисе и Карташову, что им тоже пора уходить.

– Еще один момент, – подняла вверх палец Лариса, – можно еще раз заглянуть в комнату Андрэ?

– Пожалуйста, – не скрывая своего недовольства, буркнула хозяйка.

Лариса прошла в комнату и осмотрелась вокруг. Что хотела здесь увидеть, она, пожалуй, объяснить не могла. Просто захотелось осмотреть вещи. Порой они говорят гораздо больше о своих хозяевах, чем что-либо еще.

– А книги эти ваши? – спросила она у хозяйки, подходя к книжной полке.

Галина Семеновна, мельком взглянув на полку, тут же ответила:

– Почти все мои. Но вот этих, – указывая на книги русских классиков, – у меня не было.

«Наверняка квартирант что-то читал», – подумала Лариса и заглянула под подушку. У нее самой была такая привычка – класть книги в это самое место.

И она обнаружила на простынке небольшую книжицу. Лариса подняла ее и прочитала имя автора: Антон Неводов. Это был сборник стихов. Причем автор ей был совершенно неизвестен.

– Что-нибудь нашла? – подошел к ней Карташов.

– Да вот, – рассеянно перелистывая страницы, показала она ему книжку. – Кстати, очень sentimentальные стихи, – и, открыв наиболее истрепанную страницу, она продекламировала четверостишие:

Мамина косынка легкая из газа,
И твоя слезинка заискрилась разом.
Улетела птицей легкая косынка,
На ладони нежной белая снежинка.

Следователь Карташов, понимавший, видимо, в поэзии так же, как студент театрального училища в токарных станках, кивнул в знак согласия.

– Кстати, судя по истрепанной странице, они Андрэ очень нравились. И странным мне кажется все это, – задумчиво заметила Лариса.

Хозяйка тем временем совсем приуныла и решила, наверное, что ее «гости» никогда уже не уйдут. Заметив это и еще раз оглядев все вокруг, Карташов кивнул Ларисе на дверь, показывая таким образом, что им пора. Она встала и направилась к выходу.

– Комнату я пока вынужден опечатать, – обратился Карташов к Галине Семеновне.

И, опережая ее протест, тут же добавил:

– Это ненадолго. До выяснений всех обстоятельств дела. А то, может, родственники какие найдутся...

– Какие уж тут родственники! – совершенно расстроено заметила хозяйка.

И, махнув рукой, ушла на кухню, вероятно, для того, чтобы не видеть подобного вандализма по отношению к ее жилплощади.

Карташов повесил пломбу на дверь комнаты, и они с Ларисой поспешили на выход.

– И что ты обо всем этом думаешь? – спросил следователь.

– Пока еще не знаю, но... Опять Горецкая... – Лариса посмотрела на Карташова цепким взглядом.

– Да мало ли что она могла тут делать! Может быть, в роль входила, – отмахнулся Карташов.

– Я понимаю: Горецкая – жена депутата, пусть и местного масштаба. Кому охота связываться. Тем более вызывать на допрос, – в интонации Ларисы послышалось ехидство.

– На какой допрос? – возмутился Карташов. – Ты что?! В качестве кого я ее вызову? Свидетельница? Обвиняемая? Нет, – он сделал категоричный жест рукой. – Пока не будет фактов, я не имею права.

– Просто боишься, – спокойно констатировала Лариса.

Олег промолчал, только каким-то раздраженным жестом открыл подъездную дверь.

– Хорошо, – вздохнула Лариса, подходя к своей машине. – Значит, право буду иметь я.

Карташов неодобрительно посмотрел на нее, хотел что-то сказать, но промолчал и только вздохнул.

– Ладно, мне в отделение пора. У меня еще куча дел.

– Тебя подвезти?

– Нет, спасибо, мне тут рядышком. Поговорить кое с кем надо.

– Как хочешь. Я поехала, – пожала плечами Котова.

– Ты звони, если что, – напоследок кинул Олег.

– Ты тоже.

* * *

Роль Горецкой, безусловно, во всей этой истории Ларисе очень не нравилась. Но, кроме подозрений, причем довольно смутных, у нее ничего не было. Может быть, актриса действительно вживалась в роль. Вроде бы в драмтеатре готовилась постановка «Отелло». Дездемону должна была играть именно Горецкая. А может, Андрэ вообще был ее любовником...

Стоп! А вот это, между прочим, не так уж и безобидно. Если они действительно были любовниками, то мог иметь место обычный шантаж. У мужа предвыборная гонка, а жена... Экзотика – она, конечно, хороша, но в разумных пределах. Ко времени, к месту и к обстоятельствам.

Лариса уже подъехала к «Чайке» и, не переставая размышлять, медленно вышла из машины и направилась внутрь ресторана.

Зайдя в свой кабинет, она тут же набрала номер кассы театра. Усталый женский голос ей ответил, что премьера «Отелло» состоится сегодня. Голос также порекомендовал сходить на эту премьеру, но одновременно предупредил, что билетов нет.

«Зачем же тогда рекомендуете?» – чуть не выкрикнула в трубку Лариса, но вовремя сдержалась. Она лишь вежливо поинтересовалась:

– А Горецкая будет играть?

– Конечно, – тут же заверили на том конце провода. – У нее роль Дездемоны. Прекрасная партия! В роли Отелло – Якушев. Такой чудесный дуэт!

Кассирша, похоже, села на своего любимого конька и начала распространяться по поводу местных звезд на всю катушку. Лариса поспешила поблагодарить за информацию и повесила трубку. Отсутствие билетов ее не пугало, а в том, что пойти на спектакль необходимо, она уже не сомневалась. Позвав Степаныча, она попросила его достать билеты, и он, понимающе кивнув, тут же исчез.

У господина Городова везде были «свои» люди, и в этом ему не было равных. Даже Лариса с ее деньгами порой не могла решить какой-то вопрос без него. И в том, что сегодня вечером у нее будет билет в театр, она ни капельки не сомневалась.

Решая текущие дела, она весь день не переставала думать о Горецкой и таинственном Андрэ. Что же занесло его в нашу отнюдь не процветающую страну? У них там, правда, в Конго, жизнь, наверное, не сахар... Но в мире есть масса других стран, куда можно было податься. В ту же Францию, например, которая некогда была для Конго метрополией. И чем больше Лариса думала об этом, тем мрачнее она становилась и тем меньше ей нравилась вся эта история.

Спектакль оказался каким-то средним: не вечерним и не дневным. В честь премьеры, да еще и Шекспира, в театре решили дать еще один дополнительный спектакль. К тому же престиж драмтеатра с недавнего времени стал подниматься, и укрепить его лишний раз не мешало. Поэтому спектакль начинался в четыре и в семь. Несмотря на все связи Степаныча, он смог достать билет только на четыре часа, чему Лариса была даже рада.

Сначала она хотела приехать к окончанию спектакля и сразу пройти за кулисы, чтобы поговорить с Горецкой, но потом решила, что премьеру «Отелло» стоит и посмотреть.

Несмотря на неудобное время, в театре было полно народу. Во многих Лариса узнавала посетителей своего ресторана. Увидела она и ту старушенцию с фиолетовыми волосами, которую заметила на банкете Клубнева. Она даже хотела с ней поздороваться, но вовремя вспомнила, что та и не подозревает о ее существовании – ведь тогда Лариса наблюдала за всем происходящим на экране монитора и из-за колонны.

На старой театралке был какой-то невообразимый наряд со сплошными разрезами и «махрушками». Подивившись очередной раз экзальтированности этой дамы, Лариса на всякий случай отошла подальше.

«Интересно, она еще мечтает о Якушеве или уже нет?» – почему-то подумала Лариса, проходя на свое место.

Надо отдать должное, постановка была великолепна, и Горецкая играла прекрасно. «Она действительно неплохая актриса», – подумала Лариса, проходя за кулисы после окончания спектакля. Спросив у уборщицы, где находится гримерная Горецкой, и получив не очень вразумительный ответ, она после третьей попытки все-таки нашла нужную дверь, при этом столкнувшись в коридоре с той самой экзальтированной старушенцией. Та с восторженным видом куда-то неслась, совершенно не обращая внимания на окружающих.

«Точно несется к Якушеву, – мелькнуло в голове у Ларисы, – буквально на крыльях любви». Усмехнувшись, она постучала в гримерную Горецкой.

– Да-да, войдите, – услышала она слегка растерянный голос Анастасии Николаевны.

Идя к актрисе, Лариса долго думала о том, как ей начать разговор. В конце концов, вспомнив ее высокомерие, она решила, что лучший способ – это нападение. Может быть, от неужи-

данности она сама все расскажет. Правда, что заключалось в слове «все», Лариса и сама не знала.

Анастасия Николаевна сидела перед зеркалом и выглядела очень печальной и уставшей. Удивленно взглянув на вошедшую, она недоуменно спросила:

– А вы кто? Вы ко мне?

– Я к вам. Лариса Котова, – тут же представилась она. – Я хотела с вами поговорить.

– Я вас слушаю, – удивленно подняв брови, произнесла Горецкая. – Вы что, хотите попробовать себя в театре?

Лариса чуть не фыркнула, но вовремя сдержалась и, подавив смешок, совершенно серьезно ответила:

– Нет, вы знаете, у меня уже есть работа, которую, надо сказать, я очень люблю.

– Да? – снова подняла брови Горецкая. – Это редкость в наше время – любимая работа. Тогда о чем же вы хотели поговорить?

– Мне очень понравился спектакль и мне бы хотелось высказать восхищение вашим талантом...

Брови Горецкой поднимались все выше, и она чуть было вообще не открыла рот от удивления.

– Ну, милочка, – насмешливо проговорила актриса. – Вот это вы наговорили! Я прекрасно знаю цену своему таланту, поэтому не утруждайте себя эпитетами. Если у вас есть какая-то просьба – говорите, я постараюсь помочь.

– Понимаете, – не спеша начала Лариса, – меня интересует один молодой человек.

– Да? – усмехнулась Горецкая. – А при чем тут я? Вы что, хотите, чтобы я вас с кем-то познакомила? Что ж, это можно. В юности у меня тоже было много романов, – она мечтательно подняла глаза к потолку.

– Нет, знакомиться я не хочу, – уже более сухо сказала Лариса. – Тем более что тот, о ком идет речь, уже мертв. Меня интересует Андрэ Амбесси.

Горецкая вздрогнула, и в глазах ее промелькнул настоящий страх. Это длилось не больше секунды, но Лариса успела это заметить. Горецкая все же была актрисой, поэтому уже через секунду ее лицо приняло все то же надменное выражение. И она довольно сухо заметила:

– Я не знаю никого с таким странным именем. В нашем театре его нет. – А в театре, я думаю, его никогда и не было. Его нашли убитым два дня назад в «Липках».

Горецкая слегка побледнела и, чтобы скрыть неловкость, встала. Лодочкой сложив руки на груди, она нервно заходила по гримерной.

– Вы что, из милиции? – резко остановившись, спросила она.

– Нет, что вы. Просто он мой друг, и я хотела бы узнать, почему его убили.

– Он ваш друг? – удивленно спросила актриса. – Но он ничего... – она тут же осеклась и отрезала: – Я ничем не могу вам помочь. Я не знаю этого парня. К тому же, судя по имени, он иностранец.

– Очень жаль. Мне сказали, что вас видели вместе.

– Нас? – с преувеличенным удивлением спросила Горецкая. – Этого не может быть. Я понятия не имею, о ком вообще вы говорите.

«И все-таки она вздрогнула, – отметила про себя Лариса, – не такая уж она и хорошая актриса. И она его знала».

– «Мамина косынка легкая из газа, и твоя слезинка заискрилась разом, улетела птицей легкая косынка, на ладони нежной белая снежинка», – вдруг продекламировала Лариса стихи того самого Неводова, томик которого она нашла под подушкой в комнате африканца.

Горецкая с каким-то мистическим ужасом посмотрела на Ларису.

– Что это? – прошептала она одними губами.

– Стихи, – как можно наивнее и безразличнее ответила Лариса, наблюдая за мимикой Анастасии Николаевны. – Антон Неводов написал...

А актриса стояла, совсем бледная, судорожно вцепившись в спинку стула, на котором она только что сидела.

– Хорошие стихи. Я люблю поэзию, – она начала приходить в себя. – Вы извините, но мне надо немного отдохнуть. У меня еще один спектакль.

– Да-да, конечно. Весьма символичный, между прочим.

– Что вы хотите сказать? – глаза Горецкой сверкнули гневом, но она сдерживала себя.

– Ничего. Я просто к слову. Всего вам хорошего. Успехов вам и только главных ролей в театре, – Лариса открыла дверь, чтобы выйти.

– Спасибо, – совершенно машинально ответила Горецкая.

Закрывая дверь в гримерную, Лариса еще раз оглянулась. Горецкая стояла прямо, облокотившись о стул с высокомерно поднятой головой. Ее мысли были очень далеки отсюда...

«И все-таки я не зря сюда приходила, – пробираясь к выходу, размышляла Котова, – она что-то знает – это абсолютно точно. Но вот как же ее раскрутить? Карташов? Он не будет связываться... Хотя... стоит, наверное, попробовать. Может быть, его и проймет мой рассказ?»

Лариса вышла из театра и не спеша поехала домой. Чувствовала она себя ужасно уставшей...

* * *

Благоверный Ларисы не спал. И это было плохо: к семейным баталиям она была совершенно не готова. Тем не менее, как только она вошла на кухню, Евгений тут же заявил, что покидать родные пенаты он категорически не согласен даже тогда, когда Настя уедет в лагерь.

– Хорошо, – согласилась Лариса, – ты будешь жить на первом этаже, в комнате для гостей. Вопросы есть?

– Нет уж, позвольте! – возмутился муж. – Лариса, в конце концов, что происходит?

В интонациях мужа засквозил театральный пафос, сродни тому, что она наблюдала в драмтеатре.

– Лара, ты меня не слышишь? – продолжал Котов. – Значит, у тебя действительно появился любовник? Ты мне изменяешь?

Она услышала последнюю фразу и удивленно посмотрела на Евгения.

– Котов, ты рехнулся, – констатировала она и совершенно честно добавила: – Мне очень хотелось бы найти себе кого-нибудь, кроме тебя. Но пока у меня это не получается. Как только я кого-то найду, я тебя уведомя об этом в письменном виде.

Евгений обиженно отвернулся и насупился. Похоже, он даже немного протрезвел, а Лариса прошла к холодильнику. Она почти весь день ничего не ела, и теперь чувство голода обострилось с новой силой.

Она совершенно машинально бросила кривые в кастрюлю с водой, потом также рассеянно села на стул и задумалась. Спустя где-то минут пять она взяла телефонную трубку и набрала номер. Ждать пришлось недолго, и уже после третьего гудка она услышала знакомый голос:

– Алло.

– Олег, это Лариса, – начала она сразу же. – Ты знаешь, я встречалась с Горецкой и поняла, что она все-таки замешана в это дело. Может, ты ею все-таки займешься?

– Ты что, с ума сошла? – возмутился Карташов. – Как это я, интересно, ею займусь? На каком, простите, основании? На одних твоих умозаключениях далеко не уедешь. К тому же она жена депутата. Нет, я – пас. К тому же если даже они и были любовниками с этим африканцем... Что же здесь такого? У нас свобода и демократия. Все спят, кто с кем хочет.

- И кто не хочет, – буркнула Лариса.
 - Что? – не понял Олег.
 - Да так, ничего. Просто к слову. И чем же ты собираешься заниматься?
 - Мы будем раскручивать наркотическую версию, – напыщенно заявил Карташов. – А если у тебя появятся факты, милости просим...
 - Ты как тот мужик, – не удержалась Лариса, – потерял кошелек, а ищет его под фонарем. Не потому, что там потерял, а потому, что там светлее.
 - Ну, знаешь ли... – растерялся Карташов, – а если слушать все твои бредовые идеи, то...
 - В общем, спокойной ночи, – оборвала его Лариса. – Удачи вам, Олег Валерьянович.
- И берегите себя...
- Съехидничав напоследок, она повесила трубку.
- Ну и ладно, – в сердцах вслух бросила она, – сами разберемся.

Глава 3

Утро началось на редкость тихо и спокойно. Можно даже сказать, благочинно. Евгений молча сидел на кухне и курил. На завтрак Лариса приготовила индийскую пиццу и салат «Гранатовый браслет».

– Отлично, просто великолепно, – расточал комплименты кулинарному искусству жены Котов.

– Не подхалимничай, – буркнула Лариса, садясь за стол, – в спальню я тебя все равно не пушу.

Котов вздохнул и насупился. Выпив кофе, он довольно крякнул и, уже выходя из кухни, бросил в сторону Ларисы:

– Ну, ничего страшного. Неделя-другая, и все успокоится.

Она пожала плечами. Выяснить отношения с мужем сейчас ей не хотелось. Гораздо более важным было начало расследования всего, что касалось личности актрисы Анастасии Горецкой. Ей предстояло выяснить круг ее знакомств, понять ее настоящее и постараться заглянуть в прошлое.

С этими целями она и решила отправиться с утра в Тарасовское театральное училище. Она рассудила, что именно это учебное заведение должна была в свое время окончить Горецкая.

Храм искусства находился в самом центре города и представлял собой старое трехэтажное здание. Рука реставратора не касалась его минимум лет двадцать. Стены его потрескались и находились почти в аварийном состоянии.

Припарковав свою машину напротив, Лариса вышла и слегка удивленно оглядела этот приют высокого творчества. Именно «приют», уж больно сиротливо смотрелось здание на фоне новостроек.

Вестибюль театрального училища был заполнен молодыми людьми, которые еще только желали приобщиться к великому миру театра. Иными словами, это были абитуриенты.

Известно, что все абитуриенты, как правило, начинают свое знакомство с учебным заведением с секретаря. Лариса решила последовать их примеру. Поднявшись на второй этаж и остановившись перед табличкой «деканат», она приоткрыла дверь и заглянула в приемную. За письменным столом сидела молоденькая девушка в вызывающей мини-юбке и с увлечением играла на компьютере. Лариса не видела самого монитора, но по мимике, отражавшей каждый ее промах, она сделала такой вывод.

– Простите, – начала она с порога, – могу я с вами поговорить?

Девушка с трудом оторвалась от монитора и равнодушно уставилась на Котову.

– Что вы хотели? – слегка растягивая слова, спросила она.

– У меня к вам не очень большое дело, – вежливо ответила Лариса. – Я журналистка из «Тарасовского вестника». Понимаете, мне надо написать статью об одной нашей замечательной актрисе. О Горецкой Анастасии Николаевне. Вы знаете такую?

– Конечно, – с готовностью ответила секретарша. – Она у нас довольно часто бывает, иногда дает уроки, помогает даже с финансами. Вы знаете, у нее муж – депутат. Я сама за него голосовала. Лариса ободряюще кивнула.

– Он такой замечательный человек, – с улыбкой поведала секретарша. – Но... Что же вы хотели от меня?

– Я бы хотела встретиться с теми, кто помнит ее в те годы, когда она училась здесь.

– Но это было так давно, – на лице девушки застыло какое-то подобие разочарования.

Она встала со стула и прошлась по комнате, демонстрируя свои длинные, безупречные ноги.

– Вы знаете, что? – сказала она после некоторой паузы. – Вам надо обратиться к Маргарите Юрьевне Ракитиной. Она, правда, уже на пенсии, но своих учеников помнит прекрасно.

– А как мне ее найти?

– Адрес у меня где-то есть. У меня часто его спрашивают. Ее, наверное, любили...

Она подошла к своему столу и, порывшись в ящиках, извлекла оттуда тетрадный лист.

– Вот, это то, что надо. Можете списать.

– Спасибо, – поблагодарила Лариса, аккуратно записывая адрес в органайзер.

Попрощавшись с секретаршей, она вышла из здания и направилась к своей машине. Ракитина жила недалеко от училища, на улице Пушкина.

Эта улица находилась в самом центре города и была на редкость тихой и спокойной. Нужный дом оказался «хрущевкой» и был совсем рядом, так что Лариса не стала перегонять машину, а, поставив ее на сигнализацию, прошла к дому пешком.

Квартира номер 4 находилась на первом этаже. Ларисе не пришлось долго ждать. Дверь открылась почти мгновенно.

Перед ней стояла уже совсем старенькая женщина, но с потрясающе прямой осанкой и необыкновенно живыми глазами. Они изучающе смотрели на Ларису.

«Пожалуй, судя по этому блеску в глазах, она чувствует себя гораздо моложе многих моих ровесников», – подумала Котова.

– Здравствуйте, меня зовут Лариса. Мне ваш адрес дали в театральном училище.

– Чем могу быть полезна? – спросила Маргарита Юрьевна. – Ведь вы, кажется, у меня не учились?

– О, нет, – поспешила заверить ее Лариса, – просто мне надо написать статью о лучших выпускниках училища. В деканате мне посоветовали обратиться к вам.

– Конечно, – сразу засуетилась Ракитина, – что же мы в дверях-то стоим? Проходите, пожалуйста.

Лариса прошла в комнату и принялась изучать интерьер. Ей показалось, что время в этой маленькой квартирке просто остановилось. Небольшой совершенно древний телевизор, комод примерно начала века, фикус в углу комнаты... У Ларисы возникло ощущение, что она перешагнула в прошлое. Обстановка напоминала квартиру ее бабушки. На нее пахло детством.

– Сейчас будем пить чай, – продолжала суетиться хозяйка.

Лариса как замороженная ходила по квартире, рассматривая фотографии на стенах, которые были аккуратно вставлены в рамочки. Здесь были и дореволюционные снимки женщин в длинных платьях и мужчин во фраках, были также и военные и, конечно же, групповые фотографии выпускников театрального училища.

Маргарита Юрьевна тем временем внесла самый настоящий самовар и поставила его на круглый стол. Затем на столе появились вазочки с вареньем и с печеньем и чайные чашки с блюдечками.

– Прошу вас, садитесь, – пригласила хозяйка и сама села на стул с высокой спинкой.

Лариса последовала ее примеру.

– Так что вы хотели узнать? – с улыбкой осведомилась Маргарита Юрьевна.

– Мне нужно написать об Анастасии Горецкой и ее выпуске.

– О, – счастливо закрыв глаза, проговорила Ракитина. – Это были очень талантливые ребята. Это, пожалуй, мой самый лучший выпуск за весь период работы. Они были талантливы абсолютно все! Такое, знаете ли, бывает очень редко. Но... – она тяжело вздохнула, – к сожалению, не у всех все сложилось так, как им хотелось.

Она встала и, открыв комод, извлекла оттуда огромную папку. Что-то поискав в ней, Маргарита Юрьевна протянула Ларисе фотографию тех лет.

– Вот, это Володя Волков, он сейчас в Америке. В свое время стал одним из первых диссидентов. Отказался как-то играть роль председателя колхоза, потому что тот показался ему отвратительным. Был скандал. Его вызывали в партком, выгнали из театра... А это Лина Катц. Она живет сейчас в Израиле. Я слышала, что у нее своя труппа. Очень замечательная девочка. Она, кстати, дружила с Настей Горецкой. А вот и она, кстати сказать, – Маргарита Юрьевна показала на красивую, но какую-то уж слишком строгую девушку с высоко поднятой головой.

Лариса даже вздрогнула. В том, что это она была тогда в парке, сомнений больше не оставалось.

– Она потом перевелась в Москву и там даже проучилась какое-то время, а потом что-то не получилось... – вздохнула старая преподавательница. – В общем, она не любит об этом говорить, а я не спрашиваю.

– А с кем Анастасия Николаевна еще дружила? – спросила Лариса, когда хозяйка замолчала и отхлебнула чай из блюдца.

– С Надей Петровой. Вот она, крайняя справа. Пожалуй, из всего курса самая талантливая. Ее звали в Москву, но у нее был бешеный роман с Волковым, и она отказалась. А потом произошла вся эта история с ролью председателя колхоза. В конце концов они поженились и уехали в столицу. Говорят, Наденька там блистала.

– А где она сейчас?

– Она умерла через два года, – тяжело вздохнула Ракитина, – рак. Вот после этого Володя и уехал в Америку. Он ее сильно любил.

Маргарита Юрьевна еще раз взглянула на фотографию и вдруг оживилась:

– А вот это Антон Неводов, – показала она на молодого человека с мужественным лицом, больше похожего на разведчика из фильмов про войну, чем на выпускника театрального училища. – Это просто замечательная личность.

– Постойте, – перебила ее Лариса, сжавшись от волнения как пружина, – это какой такой Неводов?

– Он потом стал поэтом, его приняли в Союз писателей. Очень хорошая поэзия. Сейчас и песни пишет для наших популярных исполнителей. Они, кстати, с Горецкой вместе перевелись в Москву после третьего курса.

– Не может быть, – тихо прошептала Лариса.

Она слишком хорошо помнила тот томик стихов под подушкой в комнате бедного конголезца.

– Почему не может быть? – слух у этой женщины был отменный.

– Я просто недавно читала его стихи, – улыбнулась Лариса. – Мне очень понравились.

– Так вот, – у Маргариты Юрьевны заблестели глаза. – У Тоши Неводова и Настеньки был потрясающий роман! Не хуже, чем у Нади с Володей. Они боготворили друг друга и не расставались ни на минуту. Это была прекрасная пара. Они и в Москву вместе поехали...

Произнеся все это на эмоциональном подъеме, Маргарита Юрьевна вдруг снова сделала грустное лицо.

– Ну, а потом что-то между ними произошло. Одному богу известно.

– А где сейчас Неводов? Тоже эмигрировал?

– Почему же? Совсем нет. Он сейчас живет в Москве. Состоит в Союзе писателей. Очень уважаемый человек.

– А может быть, у вас и адрес его есть?

– Конечно. У меня есть все адреса, – с гордостью заявила Ракитина.

Она встала, снова подошла к комоду и достала оттуда еще одну большую папку.

– Вот, пожалуйста, – согнувшись над столом, быстро нашла нужную фамилию Ракитина. – Неводов. Это его старый тарасовский адрес, а вот и московский. Вернее, два москов-

ских... Раньше он жил где-то на окраине, в однокомнатной. А сейчас вроде бы как живет в центре.

Лариса быстро списала на всякий случай все адреса и рассыпалась в благодарностях хозяйке.

– А Горецкая давно вышла замуж? – задала она следующий вопрос.

– Давно, уж лет двадцать прошло. Точно я этого не скажу, – как-то равнодушно ответила Ракитина. И вдруг на ее лице снова засверкал восторг:

– А как она сыграла в «Отелло»? Вы видели этот спектакль?

– Конечно, – поспешила заверить ее Лариса. – Я в восторге!

– Да... Вы не представляете, как это приятно – смотреть на своих учеников! Это ни с чем не сравнимое чувство.

Маргарита Юрьевна гордо вскинула голову вверх и устремила свой взгляд куда-то ввысь. Видимо, она переживала чувства, которые мог понять только истинный педагог.

Лариса поняла, что больше она уже здесь ничего не узнает, и очень вежливо постаралась закруглиться.

– А можно, я к вам еще приду? Очень интересно было с вами пообщаться...

– Конечно, – просияла хозяйка, – мне будет очень приятно видеть вас здесь вновь.

Лариса вышла от Ракитиной исполненная энергии и азарта. Все сходится: Неводов был некогда любовником Горецкой, и его стихами, кстати, весьма и весьма средними, зачитывался ее недавний поклонник! Все это очень неспроста.

«Ну что ж, – задумчиво проговорила она. – В Москву! В Москву! К господину литератору по имени Антон Неводов!»

Может быть, там, в столице, она найдет ответы на некоторые вопросы, которые связаны с делом о смерти негра-чужеземца на тарасовской земле?

Она посмотрела на часы и решила, что если она поторопится, то успеет уехать на фирменном поезде. Можно было, конечно, подождать завтрашнего утра и воспользоваться услугами Аэрофлота, но она решила, что лучше переночевать в вагоне СВ, чем дома, где находился порядком доставший ее в последнее время муж.

* * *

Москва встретила Ларису на следующее утро шумом Павелецкого вокзала. Выйдя из поезда, она огляделась и вздохнула полной грудью. Лариса любила Москву. Но не ту, которую видят приезжие, не магазины, не рынки, не базары, а старую, булгаковскую Москву.

Она любила бродить по тихим, никому не известным улицам, где навсегда поселились покой и тишина. Казалось, что их еще не коснулась рука цивилизации и перестройки. Она любила сидеть в старых московских дворах.

Любила она и Москву помпезную, с театрами и ресторанами, но тихая и спокойная ей нравилась больше. Особенно привлекали ее почему-то Сокольники. Туда-то она и направилась, решив отложить визит к Неводову на более позднее время. К тому же на улице была прекрасная солнечная погода, был конец июля. Такие погожие деньки скоро сменятся холодными и дождливыми. Поэтому радость от прогулки по парку в такую погоду Лариса предпочла следующему шагу в ее расследовании.

Она провела в Сокольниках почти полдня и пообедала в небольшом ресторанчике, отметив про себя в очередной раз, что ее «Чайка» лучше. Достав бумажку с адресом Неводова, Лариса пришла к выводу, что она совершенно не имеет понятия, где находится данная улица. Пришлось обратиться к услугам городской справки.

Однако ее подстерегала относительная неудача. На ее звонок откликнулась пожилая женщина, которая, не открывая двери, прокричала Ларисе, что «Антоша на даче» и рассказала, каким образом туда можно доехать.

Поездка в Подмоскowie заняла у Ларисы около двух часов. Был уже вечер, когда она очутилась в уютном коттеджном городке среди сосен. Дача Неводова представляла собой двухэтажное, довольно симпатичное здание из красного кирпича.

Лариса решительно шагнула в сторону огромного, закрывающего весь двор забора. Калитка, на ее удивление, была не закрыта, и она вскоре оказалась в довольно уютном дворике, где уже стояло несколько машин. Из дома доносилась музыка, визги и разнополюе крики.

«Похоже, хозяин дома. И у него гости. Может быть, мой визит пришелся не ко времени?» – раздумывала Лариса. Однако возвращаться назад было уж совсем глупо. Она уже собиралась позвонить, как дверь неожиданно распахнулась сама. На пороге появился довольно симпатичный, но абсолютно пьяный мужчина примерно пятидесяти лет. Увидев Ларису, он растерянно застыл на месте, смешно открыв рот.

– Могу я увидеть Неводова? – воспользовалась Лариса замешательством незнакомца.

– А почему Неводова? – не понял тот.

– Мне нужно увидеть Антона Неводова, – чеканя слова, повторила Лариса.

– А зачем вам он? – пьяно улыбнулся мужчина. – Я что, вам не подойду?

– Если вы не Неводов, то не подойдете, – попыталась обойти его Лариса.

– Нет, я не он, но я могу подойти, – упорно не соглашался мужчина, загораживая ей путь. И тут же возмущенно добавил: – Почему все хотят Неводова и никто не хочет меня? Ты меня тоже не хочешь? – Он наклонился к самому лицу Ларисы, предоставляя ей возможность ощутить всю гамму запахов, от него исходивших.

Это была смесь перегара, чеснока и чего-то мясного. И Лариса решительно сказала:

– Нет, не хочу,

– Вот и я о том же, – грустно выдавил из себя мужчина. – А между прочим, я тоже лауреат и тоже пишу стихи.

– Я очень рада, – натужно улыбнулась Котова. – Я могу пройти?

– Да, пожалуйста, – совсем расстроился мужчина, – меня, кстати, зовут Виталиком.

– Очень рада, – обходя его, ответила Лариса. – А где я могу найти Антона?

– Там, – неопределенно ответил Виталик, махнув рукой в сторону дороги, – я в последний раз его видел в ванной, а где он сейчас – я не в курсе.

Произнеся все это, он устало вздохнул и уселся прямо на крыльцо. Лариса хотела уже войти внутрь, как на порог выпорхнула молоденькая девочка с ярко накрашенными губами и неестественно длинными ресницами.

– Ах, вот где мой пупсик скрывается! – Она бросилась на Виталика и повалила на землю.

И без того короткая юбка девушки задралась до пояса, и Лариса заметила, что под ней абсолютно ничего не было. «Похоже, я совсем отстала от моды», – с сарказмом отметила она.

Девочка совершенно спокойно села на Виталика верхом и также спокойно попыталась стянуть с него штаны. Тот довольно заурчал.

Преодолев наконец порог, Лариса оказалась в огромном холле с двумя колоннами и лестницей, ведущей наверх. В холле было тихо, но откуда-то сбоку раздавались непонятные звуки, похожие на всхлипывания. Оглядевшись вокруг себя, Лариса обнаружила дверь и решила начать рекогносцировку с нее. Открыв дверь, она оказалась в ванной комнате, посреди которой находилось нечто типа маленького бассейна. В нем плескались две девушки и мужчина, который и издавал те самые непонятные прежде Ларисе звуки.

Теперь же они стали очень даже понятны. Мужчина сидел на краю ванны, а девушки, поочередно ныряя в воду, ласкали его языком. Растерявшись от такого зрелища, Лариса не заметила еще одного мужчину, который сидел на ковре и наблюдал осоловелыми глазами за

происходящим. Собственно, Лариса обнаружила его присутствие только тогда, когда оказалась в его объятиях. Мужчина обхватил ее сзади и буквально повалил на ковер.

Она хотела возмутиться и попыталась вырваться изо всех сил, но он, ничего не говоря, крепко прижал ее к себе и закрыл ее рот своим. Не переставая ее прижимать к полу так, что ей стало больно, он наконец освободил ее рот, и его губы стали опускаться ниже.

– Да вы что, рехнулись? – еле выдавила из себя Лариса. – Да прекратите же, черт возьми!

Мужчина же оказался на редкость проворным, и вскоре его язык уже шарил по внутренней стороне бедра Ларисы.

– Классное тело, – услышала она вдруг насыщенный мужской голос у себя над ухом. – Я могу к вам присоединиться? Что-то я тебя раньше не видел.

Лариса обнаружила у себя над головой еще одного голого обитателя коттеджа.

– Слушай, Макс, а ты эротично смотришься, – заметил он. – Я могу позвать Жака, он тебя поимеет. Слушай, это будет совсем интересно.

И тут Ларису охватила самая настоящая паника. Из ванны тем временем продолжали доноситься булькающие звуки.

– Дмитрич классно расслабляется, сейчас здесь закончу и пойду к ним, – услышала Лариса все тот же голос и, к своему ужасу, обнаружила, что под платьем у нее уже ничего нет.

Это стало последней каплей, и она, собрав все силы, совершила мощное движение тазом, и человек, находившийся сзади, упал на ковер.

В следующее мгновение Лариса пулей вылетела из ванной и бросилась на второй этаж по лестнице. Там она вошла в первую попавшуюся ей на глаза дверь и...

То, что она увидела, было похоже на восточную сказку. На большом пушистом ковре лежала необыкновенно красивая девушка с очень сексуальной грудью. На ней сидел мужчина. Его лица Лариса не увидела, потому что он сидел к ней спиной. У него была атлетическая фигура. Он двигался в такт музыке, которая гремела где-то за стенкой. Другая девушка сидела рядом и поглаживала грудь первой, при этом периодически капая на нее апельсиновый сок. Как только капля растекалась по груди лежащей девушки, мужчина наклонялся и слизывал сок. Одновременно одной рукой он возбуждал вторую девушку.

«Интересно, конечно, но как же мне найти этого Неводова?» – с досадой подумала Лариса и закрыла дверь, дабы не мешать троице продолжать путешествие в мир сексуальных изысков.

Пройдя по коридору, она открыла другую дверь. Посреди комнаты находился большой стол, на котором стояла куча нетронутых блюд с едой и бутылки с разнообразными напитками.

Лариса вдруг поняла, что ужасно проголодалась. Возле стола танцевало несколько абсолютно голых пар. Они не обратили на пришедшую никакого внимания. Лариса решила не церемониться и присела за стол.

Она положила в свободную тарелку несколько салатов и принялась есть. Открыв бутылку «Порто Баррос», налила себе вино в фужер.

В это время одна из пар плавно перевела танец в соитие.

Лариса невольно остановила на них свой взгляд и тут почувствовала, что ее кто-то взял за руку. Обернувшись, Лариса увидела довольно высокого мужчину с правильными, почти греческими чертами лица. Он был одет в махровый халат. Ему было на вид лет пятьдесят.

– Я могу за вами поухаживать? – очень мягко спросил он.

Лариса молча кивнула и внимательно посмотрела на незнакомца. Что-то знакомое почудилось ей в его облике.

– А вы кто? – с интересом спросил он. – Я вас раньше не видел... Вас Макс привел?

– Нет, я сама пришла, и весь вечер не могу найти Неводова.

Брови мужчины поползли вверх.

– А что его искать, если он перед вами?

Лариса внимательно на него посмотрела. Да, сходство с фотографией, пусть и тридцатилетней давности, было несомненно.

– Понимаете, – тут же начала Лариса, – я журналистка и хотела бы с вами поговорить.

– Что-то вы не похожи на журналистку, – недоверчиво покосился он на нее, – уж я-то вашу братию знаю. А уж столичных-то можно вообще за версту узнать.

– А я не столичная, я приехала из Тарасова.

– Да? – сразу оживился Неводов. – Так ведь это город моего детства! Я там и учился и начинал... Давайте выпьем за наш город и наше знакомство.

Он налил себе водки, а Ларисе вино, и они выпили.

– Чудесный город, – пустился Неводов в воспоминания. – А какая у нас Волга... А какие девушки! Кстати, – спохватился он вдруг. – Меня зовут Антон.

– Лариса.

– Вот и замечательно. Вот и познакомились, – придвинулся Неводов поближе.

Вино приятно расслабляло, и Лариса почувствовала, что усталость уходит, а на смену ей приходит чувство какого-то умиротворения. – Так о чем вы пишете? – вернул ее в реальность вопрос Неводова.

– Мне надо написать статью об одной нашей очень уважаемой и известной актрисе. Об Анастасии Горецкой.

– О Насте? – удивленно воскликнул он, и лицо его сразу потускнело. – И ради этого выехали из Тарасова? Чтобы поговорить со мной?

– Ну да, – пожимая плечами, ответила Котова.

– А кто же вам сказал, что о ней надо разговаривать именно со мной?

– Ваш педагог, Маргарита Юрьевна Ракитина.

– А-а, – разочарованно протянул Неводов, – эта старая сплетница вообразила себя центром вселенной и теперь с умилением рассказывает всем, какие у нее ученики.

Ларису слегка покорило от таких слов, но она промолчала, ожидая продолжения.

– Так что вы хотите знать о Горецкой? – равнодушно спросил Антон.

– Да в общем-то все. Меня интересуют ее друзья, знакомые. Она ведь здесь училась какое-то время? И говорят, что у вас даже был роман?

– Я ничем не могу вам помочь, – вдруг очень сухо заявил Неводов. – Да, у нас действительно был небольшой флирт, но... Она решила, что я для нее недостаточно хорош. А вообще, я вам скажу, что блядь она хорошая. Вот и весь разговор.

И Неводов встал, собираясь куда-то идти.

– Подождите, – вскочила вслед за ним Лариса. – Ну хоть какие-то подруги у нее были?

– Были, – Неводов снова сел и пристально посмотрел на Ларису. – Например, Юлия Рыбакова. Сейчас живет в Москве. Они тут и познакомились. Мы, в принципе, все дружили, но потом Настя уехала в Тарасов... А Юлия живет на Фрунзенской набережной. Если вы хотите ее увидеть, то лучше сделать это все же завтра. А сейчас пойдете танцевать.

– А имя Андрэ Амбесси вам ни о чем не говорит? – не отставала Лариса.

– Нет, – равнодушно пожал плечами Неводов. – Впервые слышу. По-моему, что-то французское с африканским акцентом...

И, обняв Ларису и прижав к себе, он увлек ее за собой. Вокруг продолжался танцевально-сексуальный марафон. Лариса заметила, что к одной паре пристроился парень, и девушка оказалась, как ветчина в гамбургере, сжата со всех сторон.

Лариса с Антоном были единственными из танцующих одеты, и Лариса даже почувствовала себя несколько неловко. Это было все равно, что прийти в баню в верхней одежде и потом зайти в парилку, не снимая ее.

– Можно мне где-нибудь отдохнуть? – прошептала она на ухо Антону, почувствовав, как в ней неожиданно просыпается желание близости с мужчиной.

– Может быть, я разделю твой отдых? – переходя на «ты» и прижимая ее еще сильнее к себе, так, что Лариса почувствовала его восставшую плоть, спросил он.

– Нет, не надо, – вдруг чего-то испугавшись, отстранилась она от него. – Я очень устала и... У меня болит голова.

– Хорошо, – сразу уступил он. – Я еще никогда не брал женщин силой. Пойдем, я провожу тебя в комнату для гостей. Там тебя никто не потревожит, если ты, конечно, вдруг сама не захочешь, – добавил он с улыбкой.

Они спустились на первый этаж, и Неводов проводил ее по коридору. Открыв одну из дверей, он впустил Ларису в небольшую, но очень уютную комнату.

– Здесь ты сможешь спать спокойно, – и, бросив на прощание взгляд, вышел.

Лариса тут же разделась и, заперев дверь, рухнула на кровать. Заснула она мгновенно.

Утром она проснулась достаточно поздно. Оглядевшись вокруг, она тут же вспомнила всю вчерашнюю пирушку. В доме стояла абсолютная тишина. Открыв дверь, она вышла в коридор и прошла в ванну, чтобы хоть немного умыться. Там она обнаружила несколько спящих прямо на ковре людей. Перешагнув через них и наспех умывшись, Лариса решила, что нужно еще наведаться в столовую и хоть что-то перекусить перед обратной дорогой.

Поднявшись на второй этаж, она снова чуть не споткнулась о кого-то. Добравшись до столовой и заглянув в нее, она расхотела завтракать: две пары голышом спали прямо на столе, среди салатов и бокалов.

«Нет, в такой обстановке я есть не буду, – твердо решила она. – Ладно, не умру, позавтракаю в отеле».

Она спустилась вниз и, никем не замеченная, вышла на улицу.

Через два часа она уже была в центре столицы. Расправившись с завтраком, она поехала в район Парка культуры, чтобы встретиться с Юлией Евгеньевной Рыбаковой, некогда бывшей подругой Анастасии Горецкой.

Глава 4

Дом, где жила Юля Рыбакова, представлял собой обычную высотку с вахтером при входе. Внимательно осмотрев Ларису, вахтерша опустила очки на нос и дребезжащим голосом спросила:

– Вы к кому?

– К Рыбаковой, – бросила Лариса на ходу.

Но бабулька снова углубилась в свое вязание, и ей, похоже, было абсолютно до лампочки, к кому идет эта женщина. Вопрос больше был задан для проформы, из любопытства.

Лариса поднялась на огромном лифте с зеркалами на одиннадцатый этаж и вскоре вышла в довольно большой холл. Нужная ей квартира находилась слева. Она нажала на звонок и принялась ждать. Ожидание продлилось довольно долго, и, как показалось Ларисе, дверь ей открыли неохотно.

На пороге стояла неопрятно одетая женщина, с торчащими в разные стороны волосами и с огромными, на пол-лица, очками, которые, по мнению Ларисы, делали ее просто уродиной. От такого зрелища Лариса слегка растерялась, приоткрыв рот. Женщина же, состроив ко всему прочему кислую физиономию, не собиралась проявлять инициативу в общении и равнодушно смотрела на пришедшую.

– Могу я видеть Рыбакову Юлию Евгеньевну? – спросила наконец Лариса.

– Вы ее уже видите, проходите, – отходя от двери, тусклым голосом произнесла женщина. – Проходите туда, – махнула она рукой в неопределенном направлении, а сама скрылась за ближайшей дверью.

– Я сейчас, – донеслось уже оттуда.

Лариса огляделась вокруг себя. Довольно уютная прихожая была не очень большой, но отделана по последнему слову дизайнера. Из-под потолка непонятным образом распространялся мягкий свет, окутывая мебель как бы теплым покрывалом.

Гостиная также резко контрастировала с образом хозяйки, только что представшей перед глазами Ларисы. Мягкая мебель, явно из какого-нибудь элитного салона, была стилизована под Францию XVIII века, тяжелые шторы на окнах создавали эффект таинственности и полумрака. Даже огромный телевизор был обрамлен старинной рамкой и совершенно не портил интерьер.

– Ну вот и я, простите, что заставила вас ждать, – раздался голос вернувшейся Рыбаковой. – Просто я никак не могу войти в эту роль, вот и хожу как пугало.

Лариса обернулась на голос и второй раз за короткий промежуток времени открыла рот.

Теперь перед ней стояла очень красивая и ухоженная женщина, с гладко зачесанными волосами, с большими зелеными глазами, с чувственным ртом и тонкой ниточкой бровей. На ней был длинный халат с широкими рукавами, выгодно подчеркивающий ее слегка располневшую фигуру. Теперь можно было с уверенностью сказать, что это и есть хозяйка всего этого антиквариата. Довольно улыбнувшись от произведенного эффекта, она села в кресло и жестом предложила гостю сделать то же самое. Лариса тут же буквально утонула в его недрах.

Рыбакова, дотянувшись до журнального столика с резными ножками, взяла пачку сигарет и, достав одну, прикурила ее от золотой зажигалки. Передав пачку Ларисе и выпустив дым, она откинулась на спинку кресла и извиняющимся тоном объяснила:

– У нас скоро премьера, а у меня никак не получается эта кошелка. Просто беда какая-то. Представляете – у женщины есть все: деньги, муж, дети, а она ходит, как выдра ошипанная. Как же так можно совершенно махнуть на себя рукой! В конце спектакля она, правда, все-таки вспоминает, что она женщина, но только после того как у мужа появляется любовница. В общем, ничего интересного, – махнула она рукой.

Рыбакова снова затянулась сигаретой и стряхнула пепел в хрустальную пиалу.

– Так чем я могу быть вам полезна? – с любезной улыбкой осведомилась она.

– Я из Тарасова. Меня зовут Лариса Котова, – представилась Лариса.

– Ну, как зовут меня, вы знаете, – улыбнулась Рыбакова. – Так чем я могу помочь?

– Понимаете, я журналистка и пишу статью об актрисах, закончивших наше училище и работающих в тарасовских театрах.

Юлия Евгеньевна удивленно подняла брови.

– Но я никогда не делала ни того ни другого, – сказала она. – К тому же в вашем городе, к своему стыду, конечно, я никогда не была. Говорят, что там необыкновенно красиво.

– Если честно, меня интересует личность Анастасии Горецкой, – прервала Лариса витиеватые комплименты ее родному городу. – Вы же были с ней знакомы?

Рыбакова задержала во рту дым, давая таким образом себе время для раздумий. Потом она выпустила его колечками и только после этого ответила:

– Да, я ее знала. И даже очень близко, но это было так давно...

– Но может быть, вы помните, с кем она тогда общалась особенно близко?

– Давайте лучше перейдем на кухню, – предложила хозяйка, – заодно и кофе попьем.

Лариса была не против подобного предложения, и они вскоре переместились на просторную кухню, которая была отделана под дерево.

Рыбакова быстро сварила кофе и разлила его по малюсеньким чашечкам. Чинно отхлебнув один глоток, она начала говорить:

– Это было чудесное время. Мы были молоды, полны оптимизма и радужных надежд. Я и сейчас все это вспоминаю с удовольствием. Настя была очень красива. В ней уживались, по моим понятиям, совершенно несовместимые вещи: она была холодна и высокомерна, но одновременно непосредственна и ужасно наивна. У нее была способность удивляться и радоваться буквально всему. Ей, кстати, сулили большое будущее... Да, у Горецкой было много романов. Каждый раз она влюблялась на всю жизнь, но через месяц, а то и раньше она об этом забывала, и все начиналось сначала. Очень серьезно у нее было только с Антоном Неводовым. Слышали, может быть? Он пишет стихи.

Лариса кивнула. «Да, не только слышала, но и видела, совсем недавно и в очень интересной ситуации», – с ехидцей подумала она.

Рыбакова тем временем продолжала:

– Дело даже шло к свадьбе. Но... как это обычно бывает, что-то там не сложилось. Весь курс за них переживал. Очень красивая пара была. Да они, кажется, из Тарасова оба и перевелись.

– Да, это так. И никто не знает, почему у них все распалось?

Рыбакова посмотрела на Ларису слегка насмешливым взглядом, словно решая, стоит ли продолжать говорить или нет. Наконец природная женская болтливость взяла свое:

– В общаге Настя познакомилась с каким-то там конголезцем или бенинцем, точно я не знаю, из университета Патриса Лумумбы, – в интонациях Рыбаковой промелькнули осуждающие нотки. – Она почему-то мало мне об этом говорила. И у них даже было что-то вроде романа. Правда, я этому не очень верила.

– А куда делся потом этот негр? И, кстати, как его звали?

– По-моему, Дени. Но точно я не помню... У него еще здесь была жена, ее звали Констанция, прямо как в «Трех мушкетерах». Настя, как только узнала об этом, с ним рассталась. Потом его жена родила, и он уехал вместе с ней на свою историческую родину.

– А Неводов?

– С Неводовым так и не получилось ничего, – со вздохом повторила Рыбакова. – И Горецкая возвратилась в свой родной Тарасов. Правда, сначала она съездила туда с этим самым африканцем.

– Как это? – удивилась Лариса.

– А так... Было лето, и они поехали на машине знакомых вместе под Тарасов в какой-то санаторий, то ли «Три дуба», то ли «Три березы». Примерно как-то так называется – точно не помню. По-моему, именно из-за этого и произошел разрыв с Неводовым.

– Печальная история, – вздохнула совсем в тон хозяйке дома Лариса.

– Обычная, – пожала плечами Рыбакова. – Вы меня извините, – она взглянула на стоявшие на столе часы, – мне надо спешить на репетицию. Меня ждет моя «кошелка». Я вам так ничего и не рассказала по вашей профессиональной части...

Юлия Евгеньевна виновато посмотрела на Ларису.

– Ничего страшного, – успокоила ее Лариса. – Скажите, когда вы сможете уделить мне время?

– Может быть, завтра? В первой половине дня, – немного подумав, ответила Рыбакова.

– Хорошо, – сказала Лариса, про себя подумав, что она и так достаточно узнала от Рыбаковой по своей «профессиональной части», чтобы встречаться с ней еще и завтра.

– Спасибо, – еще раз поблагодарила Лариса. – Вы очень интересно рассказываете.

– Да я вам таких историй тысячу расскажу! – просияла Юлия Евгеньевна.

Лариса распрощалась с гостеприимной актрисой и вышла на лестничную площадку.

Вечерним поездом она отправилась обратно в Тарасов. И тут ее поджидала неожиданная встреча. Все началось с того, что прямо рядом с вагоном СВ притормозила белая «Ауди». Из нее вылез весьма импозантный мужчина, вежливо поздоровался с проводниками и зашел в купе, в котором уже сидела Лариса. Это был не кто иной, как «друг Юрка», которого она видела на банкете, посвященном избранию в депутаты Ивана Клубнева, в своем ресторане.

Вальяжно расположившись на своем месте, он тотчас наговорил кучу комплиментов Ларисе. Она же, мило улыбаясь, решила вытянуть из попутчика все, что касалось семьи Клубнева. Собственно, приглашение в ресторан от Юрия последовало очень скоро. Лариса, разумеется, не отказалась.

Однако там Юрий, сославшись на то, что все это походит на совдеповскую столовую, предложил вернуться в купе и заказать ужин туда. Спустя некоторое время в дверях купе возник официант с передвижным столиком и шампанским в ведерке со льдом.

– А вы в командировку или как? – начала издали Лариса, когда первый бокал был выпит, конечно же, за прекрасных дам.

– В командировку, – нехотя ответил Юрий. – У меня в вашем городе дела. Очень, кстати, симпатичный городок.

– Спасибо. Если не секрет, чем вы занимаетесь?

– Бизнесом, – совершенно неопределенно ответил он.

– И долго пробудете в Тарасове?

– Нет, не очень, – также вяло ответил Юрий. – Давайте лучше выпьем. Шампанское вроде бы неплохое. Я предлагаю тост за нашу встречу.

– Вы знаете, вам обязательно надо побывать в нашем драмтеатре, – поставив свой бокал, заметила Лариса. – У них прекрасный актерский состав. Одна только Горецкая чего стоит.

Лариса заметила, как едва уловимо напряглось лицо Юрия. Но через секунду уже все было в порядке.

– Да... – рассеянно проговорил тот, – Горецкая... что-то припоминаю. У нее муж избран депутатом, кажется.

– Именно, – подтвердила Лариса. – А мне показалось, что вы хорошо знаете эту семью.

Он вздрогнул, но тут же, овладев собой, улыбнулся:

– Да, вы правы... Не знаю, откуда такая осведомленность, но вы правы. Меня с Иваном Сергеевичем связывают деловые отношения.

– Да? И чем вы занимаетесь?

– Для красивой женщины вы слишком любопытны, – пересаживаясь на полку Ларисы, заметил Юрий.

Он явно собирался перейти к активным действиям в отношении Ларисы, а ее вопросы относительно Горецкой его мало интересовали.

Последующие десять минут прошли в словесной схватке между Ларисой и Юрием. Первая оборонялась, второй атаковал, подкрепляя слова попытками обнять и пощупать ее. Лариса, однако, всячески показывала, что в ее планы не входит сексуальная авантюра в купе СВ.

В конце концов Юрий понял, что на его пути встретилась очередная «динамистка», обиделся, залег на свою полку и углубился в чтение последнего номера «Коммерсанта». Лариса, досадуя на то, что никакой информации у него вытянуть не удалось, тихонько вышла из купе.

Она стояла у окна в коридоре где-то около получаса и рассеянно смотрела на сумерки, опускающиеся над среднерусской равниной. Когда она вернулась в купе, ее спутник мирно похрапывал.

Раздевшись, она тут же уснула. Утром между ней и Юрием состоялся обычный в таких случаях обмен мнениями по поводу погоды и перспектив прибытия поезда в конечный пункт назначения согласно расписанию. Физиономия московского бизнесмена при этом выражала его недовольство и даже возмущение от того, что случайная попутчица его отвергла.

Впрочем, все это улетучилось, когда на перроне показалось знакомое здание тарасовского вокзала. Выйдя из поезда, Лариса тут же забыла про своего попутчика. Она не узнала от него ничего интересного. Более того, Юрий решительно обрубал все попытки разговорить его на интересующую Ларису тему. И в конце концов мысли ее начали вертеться вокруг того самого санатория, в котором, по словам Рыбаковой, в начале далеких семидесятых отдыхала Горецкая с загадочным африканцем.

Взяв такси, Лариса быстренько добралась до дома. Она тут же поспешила связаться со следователем Карташовым. Трубку взяли почти сразу.

– Карташов слушает, – официально отработовали на том конце провода.

– Привет, это Лариса, – несколько игриво сказала она ему в ответ.

– Где ты была? Никак не могу до тебя дозвониться!

– Я была в Москве. А что, у тебя есть новости по делу?

– Нет, – со вздохом ответил он. – А у тебя?

– Пока что только любопытные вещи из прошлого актрисы Горецкой...

– А, – разочарованно протянул следователь. – Я думал, факты какие...

– Слушай, Олег Валерьянович, ты не знаешь, где под Тарасовом располагается санаторий под названием либо «Три дуба» или «Три березы»?

– «Три березы» знаю, – ответил Карташов. – Это около Поливановки. А что?

– Пока ничего, но надо кое-что проверить. У тебя-то как дела?

– Глухо, – вздохнул Олег. – Пока связи с наркотиками не обнаружили, но работаем в этом направлении.

– Удачи вам, – пожелала Лариса и положила трубку.

Она прошла в ванную и смыла свою непонятно откуда взявшуюся утром усталость под тугими струями прохладной воды. Потом она позвонила в ресторан, выслушала доклад Степаныча о прошедших днях и предупредила, чтобы ее сегодня не ждали.

* * *

Санаторий «Три березы» располагался за Тарасовом в одном из довольно живописных мест. Название ему дала березовая роща, находившаяся неподалеку. Впрочем, березы были не единственными представителями здешней флоры – они сменялись огромными дубами и даже соснами. И еще в окрестностях санатория были пруды.

Оставив машину на асфальтированной дорожке, Лариса прошла к трехэтажному зданию главного корпуса, который представлял собой образец типичной санаторно-курортной архитектуры сталинско-хрущевского времени.

Она попробовала представить себе, как выглядело здание в начале семидесятых годов. Интересно, от чего здесь лечилась Горецкая?

Усмехнувшись, она зашла в главный корпус и, обнаружив на одной из дверей табличку «Администрация», постучалась. Услышав, что можно войти, она открыла дверь и оказалась в небольшом, но достаточно уютном кабинете. Здесь не было евродизайна, однако было довольно мило.

За столом сидела относительно молодая, но совершенно некрасивая женщина. Казалось, что над ней усердно работали несколько уродцев, создавая подобную себе. На большой голове ютились маленькие глазки, носик и крохотные, слегка припухлые губки.

– Чем могу помочь? – любезно поинтересовалась хозяйка кабинета.

Голос у нее был тихий и мелодичный и совершенно не соответствовал внешности.

– Я бы хотела отдохнуть здесь пару дней, – ответила Лариса.

– Нет проблем. Вам номер «люкс» или...

– Лучше «люкс».

– Отлично. Есть на втором и на третьем этажах, – открыв какую-то папку, предложила Алина.

Это имя Лариса прочитала на пластмассовой табличке, которая была прикреплена к ее белой блузке.

– Мне все равно, – сказала Лариса.

– Вы будете делать процедуры? У нас имеется...

– Нет, я только хочу отдохнуть, – перебила ее Котова. – Сколько я должна?

– В кассу заплатите триста рублей.

– Очень хорошо, спасибо...

Лариса быстро заплатила требуемую сумму и вернулась к администраторше.

– Вот ваш ключ. Номер 203, – с любезной улыбкой вручила та ключ.

– Спасибо, но у меня есть маленькая просьба.

– Да, пожалуйста, – выжидательно уставилась Алина.

– У вас есть пожилые горничные?

– Конечно, – растерялась Алина, – а в чем проблема?

– Просто я не доверяю молоденьким девочкам, – манерно сказала Лариса. – Не могли бы вы прислать мне кого-нибудь постарше?

– Хорошо, это не проблема, я пришлю вам нашу бабушку. Это мы ее так называем, – объяснила администратор. – Она работает здесь с открытия санатория в шестьдесят девятом году, и ни разу на нее не было жалоб. Вот только завтра она, наверное, не сможет. У нее проблемы с внучкой. Она лежит в больнице и нужна операция... Словом, девочка в очень тяжелом состоянии.

– Большое вам спасибо. Завтра она мне и не понадобится, – сказала Лариса и вышла из кабинета администратора.

Она поднялась на второй этаж и нашла свой номер, открыла дверь и очутилась практически в обычной двухкомнатной квартире, только вместо кухни была огромная лоджия. Номер был очень даже симпатичный. Она села в кресло и задумалась. Ее мысли снова начали вертеться вокруг Горецкой и ее экзотического приятеля-мулата. У нее прямо-таки пунтик какой-то на представителей черной расы. В молодости негр, сейчас тоже... Какой-то расизм наоборот получается...

Тут в дверь постучали, и на пороге появилась чопорная худосочная женщина с тонкими поджатыми губами. На вид ей можно было дать и сорок пять, и шестьдесят пять.

Поздоровавшись, она огляделась вокруг и недоуменно спросила у Ларисы:

– А где же ваш багаж?

– У меня нет багажа, честно говоря, я просто хотела с вами поговорить.

– Со мной? – удивилась горничная.

– Да, я слышала у вас проблемы с внучкой, может быть, я смогла бы вам помочь?

– Мне теперь уже никто не поможет. Ей срочно нужна операция на сердце. Мы уже договорились с докторами, но... не хватает пяти тысяч.

– Что? Долларов? – Лариса явно не ожидала такой суммы.

– Да что вы, – махнула рукой горничная, – конечно, рублей.

Лариса облегченно вздохнула. Она, конечно, не Рокфеллер, но такую сумму дать может. К тому же, если это оформить как благотворительную акцию, с нее снимут часть налогов. Даже если она ничего не узнает от горничной насчет интересующего ее дела, все равно начинание благое. В конце концов для Ларисы пять тысяч рублей – такая ерунда!

– Я смогу вам помочь, – твердо заверила горничную она. – Кстати, я не представилась – я директор тарасовского ресторана «Чайка» Лариса Котова.

– Бог ты мой, да как же это так, – всплеснула руками горничная. – Мы не сможем отдать вам эти деньги.

– И не надо... Вас как зовут?

– Марья Федоровна, – с готовностью откликнулась собеседница Ларисы.

– Дорогая Марья Федоровна, мне нужна кое-какая информация примерно тридцатилетней давности.

Горничная недоуменно посмотрела на Ларису.

– Да уж не знаю – смогу ли я, – смущенно выдавила она из себя.

– Примерно в семьдесят первом – семьдесят втором году здесь отдыхала очень известная ныне в городе актриса Горецкая, – Лариса внимательно посмотрела на Марью Федоровну. – Причем приезжала она сюда не одна, а с одним чернокожим другом. Мне сказали, что вы работаете здесь с момента основания санатория. Так что вы должны помнить этот эпизод.

И вдруг заметила, как плотно сжались губы горничной.

«Значит, помнит», – промелькнуло у Ларисы в голове. Она замолчала, давая горничной переварить информацию.

Женщина тяжело вздохнула, присела на диван и, подняв глаза на Ларису, спросила:

– И что же вас интересует?

– Все, что связано с этой парой. Чем тогда они занимались, какие отношения между ними были и все такое прочее.

Марья Федоровна внимательно посмотрела на Ларису и спросила:

– А вы нам, правда, поможете?

– Я вам говорю это абсолютно точно, – прижала руки к груди Лариса. – У меня есть свой ресторан, к тому же, если я вам помогу, у меня уменьшатся налоги. Так что это выгодно и мне.

Последний довод убедил горничную окончательно, и она, еще раз вздохнув, заговорила:

– В каком году это было – я уже не помню. Но Горецкую я запомнила очень хорошо. Такая эффектная женщина! И вдруг – с этим негром. Впрочем, он тоже был ничего себе, симпатичный, высокий такой. Она поселилась здесь и прожила довольно долго, примерно месяца три. Горецкая практически никуда не выходила, а негр – тот пробыл один день и пропал, только в конце приехал на машине. Они еще спорили и ругались.

– А вы не в курсе, по поводу чего?

– Не знаю. По-моему, она его обвиняла и говорила, что это он во всем виноват. А он ее успокаивал.

Горничная замолчала, раздумывая, стоит ли говорить дальше.

– И что же? – настаивала Лариса.

– Да вам лучше к бабке одной обратиться, – неожиданно сказала Марья Федоровна. – Она все это лучше знает. Она тут недалеко живет, в Поливановке. Адреса у меня нет, но как ее найти – я вам скажу.

– А что за бабка-то?

– Она часто к ней приходила. Акушерка она.

– Что? – не поверила своим ушам Лариса. – Акушерка? Так, выходит, Горецкая была беременна? И как раз в этом обвиняла негра?

Марья Федоровна молчаливым кивком подтвердила слова Ларисы.

– Да, но это тайна. И я ее сказала вам только потому, что рассчитываю на вашу помощь моей внучке, – покраснев, сказала горничная и опустила голову.

– И что же, она родила? – продолжила спрашивать Лариса.

– Этого я не знаю, но, скорее всего, да. Меня не было неделю, я в отпуск уходила, а когда вышла на работу, ее в санатории уже не было.

– Очень интересно, – пробормотала Лариса. – Вы мне очень помогли.

– А зачем вам это? – спросила горничная.

– Да так, просто интересно, – уклонилась она от ответа и протянула Марье Федоровне свою визитку. – Вот мой телефон и адрес. Деньги я перечислю на ваш счет в Сбербанке. У вас ведь есть сберкнижка?

– Конечно, есть, – суетливо подтвердила горничная.

– В таком случае я жду вашего звонка с тем, чтобы вы назвали мне номер вашего счета.

– Хорошо. Я только вас очень прошу – помогите мне! – в глазах пожилой горничной застыла мольба.

– Я держу свое слово, – несколько сухо сказала Лариса, предотвращая попытки Марьи Федоровны удариться в сентиментальность.

Та молча кивнула, с благодарностью посмотрев на Ларису. Та же, в свою очередь, возвратила горничную к своим проблемам. Марья Федоровна быстро объяснила Ларисе, как и где можно найти акушерку – бабу Глашу.

На этом разговор между Ларисой и Марьей Федоровной закончился. Через полчаса Лариса уже направлялась пешком в сторону поселка Поливановка, находившегося в двух километрах от санатория.

Она быстро нашла нужную ей улицу и медленно пошла по ней, всматриваясь в номера домов. В конце улицы она заметила какое-то оживление. Там стояла толпа людей.

«Может быть, свадьба? – подумала она. – Да вроде бы нет, сегодня же не пятница и не суббота».

Все ближе подходя к толпе, Лариса начала понимать, что людское оживление имеет место как раз около нужного ей дома. Подойдя к дому, она услышала причитания и увидела на глазах собравшихся слезы. Толпа состояла в основном из бабулек.

– Что случилось? – спросила она у одной из старушек. – Мне бы бабу Глашу увидеть...

При последних словах Ларисы старушка начала вытирать платочком глаза.

– Нет больше нашей Глаши, – скорбным голосом поведала она Ларисе. – Вот только что Нюрка в овраге ее нашла мертвую.

Внутри Ларисы растеклись одновременно и жалость, и досада.

– Годков-то немало ей было, – вступила в разговор другая старушка, – да только бегала она не хуже молодой. А вот ведь как бывает – голову ей кто-то пробил, а потом в овраг сбросил.

– Да кто же такое сделал? – удивилась Лариса.

– А кто знает, – развела руками старушка. – Вон хулиганья сколько развелось!

И снова стала всхлипывать. Тут в начале улицы показалась милицейская машина, и Лариса поспешила ретироваться. Вступать в контакт с правоохранительными органами у нее не было на этот раз ни малейшего желания.

Глава 5

Было двенадцать часов ночи, когда Анастасия Николаевна Горецкая входила в подъезд собственного дома. Она уже с улицы услышала оглушительный рев рэп-музыки, доносившийся из окна.

«Все понятно, молодежь веселится», – подумала она. Войдя в подъезд здания, где располагалась ее фешенебельная квартира, она наткнулась на почти снисходительную улыбку человека в омовинской форме, который охранял покой знатных обитателей подъезда.

– Ваши сегодня гуляют, – полувопросительно–полуутвердительно заметил светловолосый здоровяк.

– Да, у Дашеньки сегодня день рождения, – улыбнулась Горецкая.

– Ну-ну, – промычал тот. – Опять не работает лифт. Вы уж извините, все работники пьяные. У них тоже, наверное, день рождения...

– И это называется элитным домом, – покачала головой Горецкая.

И, вздохнув, направилась пешком по лестнице на четвертый этаж. Однако, когда она подошла к двери своей квартиры, ее охватило какое-то неприятное предчувствие. То ли это была своеобразная реакция на странные крики, доносившиеся из квартиры, то ли на подозрительный сладковатый запах, который разносился по лестничной площадке.

Вообще-то Горецкая не должна была возвращаться домой, так как первоначально решила переночевать с мужем на даче. Но по дороге между супругами случилась небольшая размолвка из-за пустяка, и Анастасия Николаевна, резко развернувшись, направилась обратно.

Ее муж – депутат городской думы Иван Клубнев – был человеком крутого нрава. Это осталось у него с армейских времен, потом он вышел на гражданку в звании полковника. Поэтому в скандалах Клубнев, как правило, жене не уступал. Своенравная по натуре жена, однако, тоже не могла смириться с проявлениями примитивного патриархата.

Горецкая быстро вытащила ключ из кошелька. Но руки почему-то предательски задрожали – ключ не входил в замочную скважину. Она стала сильно тарабанить руками и ногами по двери, как будто торопила судьбу дать ей увидеть худшее.

Дверь открыли не сразу. Стучать ей пришлось минут пять. Горецкая уже истошно кричала, да так, что приоткрылась дверь напротив. Анастасия Николаевна даже угрожала вызвать милицию. Но музыка по-прежнему оглушительно редела, и истеричные женские голоса кричали что-то нечленораздельное.

Наконец дверь соизволили открыть. Глазам ошеломленной Горецкой предстала впечатляющая картина.

На пороге стояло рыхлое, толстое и высокое существо среднего рода, в комбинации, из-под которой торчали жирные волосатые ляжки, а вместо пышного бюста наружу пробивалась обезьянья щетина.

Лицо существа было под стать телу – оно было похоже на рыльце откормленной свиноушки. Однако от представителей животного мира это лицо отличало обилие безвкусной, вульгарно-яркой косметики. В ушах покачивались огромные клипсы в виде полумесяцев, которые обычно носят уличные женщины.

– Кто вы? – с придыханием спросила Горецкая.

– Я – мама Дашеньки, – ответило существо противным фальцетом.

– Что-о? – Горецкая чуть было не рухнула на пороге.

– Да, ее приемная мама...

– Моя вторая мама, – раздался глумливый голос за спиной неизвестного существа.

И тут Горецкая узнала голос своего сына. Роман стоял в проеме комнаты в одних трусах, причем из них что-то торчало. Из-за спины его обнимала женская рука. Она совершала движения в сторону торчащего в трусах молодого человека «предмета».

– Где ты, мой маленький, дай тебя пощупать, – демонстративно показывая свою страсть, громко говорила владелица руки.

Лица ее видно не было, потому что Роман высунулся в прихожую из комнаты, в которой не было света.

– Кого это там принесло? – раздался из другой комнаты голос, в котором Горецкая узнала голос своей дочери, шестнадцатилетней Даши.

– Ой, не знаю, сейчас выясню, – с противной манерностью ответило существо среднего рода. – По-моему, это ваша Валентина, сутенерша. А где девочки? – спросила горилла в комбинации. – Ой, мне бы тоже мальчика привезли, я бы заплатила.

И существо погладило шерстяной лапой в маникюре и медных кольцах плечо Горецкой. Это было последней каплей, которая переполнила чашу.

– Что тут такое? – закричала Горецкая. – Я сейчас милицию позову.

– Ой, бл..., праведная нашлась! – закатила глаза «вторая мама».

– Да кто там пришел? – с истеричностью в голосе спросила Даша, выходя из комнаты.

Вид у нее был крайне недовольный, волосы растрепаны и облиты шампанским. Она была в костюме Евы в Эдеме. Пьяные глаза ничего не выражали.

– Курва какая-то пришла, – продолжала возмущаться «вторая мама».

– Кто ты такой? Или... такая? Не знаю уж, как тебя назвать, – заикаясь и трясясь от злобы, спросила Горецкая.

– Как, вы меня не знаете? – искренне удивилась «мама». – Я знаменитая поэтесса Трушкова. Любая блядь считает за честь со мной общаться и мамой меня называть.

– Анастасия, это ты? – с трудом ворочая языком, выдал из себя Роман, у которого в трусах шуровала рука неизвестной девицы. – Ты же сказала, что не придешь!

– Новая мамочка у нас! – из-за его спины показалась-таки мордочка девицы.

Это была довольно яркая, симпатичная деваха лет восемнадцати, не столь пьяная, как сын Горецкой и «поэтесса» Трушкова. Ее рыжие волосы были красиво разметаны по округлым плечам, а упругая грудь как бы бросала вызов ханжеской морали, которую в данном случае представляла собой Горецкая.

– Маман, а тебя каким ветром сюда занесло? – спросила она, насмешливо глядя на Горецкую. – Ты из какой фирмы? У Лорки работаешь?

– У какой Лорки?

– В «Пиковой даме».

– Какая «Пиковая дама», бл...! – неожиданно заорала Даша на девицу, которая по-прежнему нежно обнимала брата и рылась в его штанах. – Это наша маман! Анастасия, ты же сказала, что тебя сегодня не будет! Зачем кайфолом устраивать? Мне шестнадцать сегодня, поняла?

– Ой, я завтра напишу новую песенку о матери, которая устраивает кайфолом. «Дочки-дочки-дочки-ма-те-ери, ах, невинность мы утра-ти-и-ли!» – вдруг запела Трушкова своим противным голосом. – Нет, я лучше срифмую, и голос у меня, сами понимаете, не такой, как у Преснякова, – у Вовки лучше получится.

И, махнув по-лебединому волосатой ручкой, «поэтесса» сочла за благо удалиться в направлении кухни.

– Ну, вы поговорите с дочкой, вы все-таки первая мать, я-то вторая, пойду кофейку вам поставлю, – обернулась Трушкова в дверях кухни.

Несмотря на то, что все происходящее выглядело прямо-таки издевательством над хозяйкой дома, декламация стихов Трушковой разрядила все же обстановку. Тем более что у Горец-

кой после всего, что она увидела, как-то не было сил особо сопротивляться и словесно противостоять молодому поколению. Внутренне она была бы рада, если бы все это сейчас закончилось, «гости» бы мирно разошлись по домам, дети улеглись бы спать. Она даже не стала бы читать им нотацию утром, а предпочла бы все забыть.

Все-таки шок от увиденного был серьезный. Она вдруг поняла, что совершенно не представляет, как живут ее дети и в каких компаниях проводят свое свободное время.

– Мне надо здесь разобраться, – взяла себя в руки Горецкая и, оттолкнув Романа, прошла в комнату.

Даша же, пробормотав невразумительные слова оправдания, удалилась в ванную и бухнулась там прямо на пол.

Горецкая же очутилась в самой большой комнате их квартиры. И то, что предстало ее глазам, было хуже того, что она уже видела.

На обеденном столе, среди объедков и окурков, раздавленных тут же в сервизных тарелках, лежало женское тело. Раздвинув ноги, оно впускало в себя какого-то длинноволосого парня, который ритмично в такт рэпу двигал тазом. Лицо девушки было закрыто тазом другого мужчины, который тоже исполнял танец в духе модного нынче стиля «латинос». И, наконец, третий парень, закрыв глаза, тихо медитировал в кресле. Однако девушка и его задействовала – она свободной рукой интенсивно проводила сеанс мануальной терапии с его членом.

Горецкая была в ужасе. На нее никто не обращал внимания. Она не могла даже голосом выразить своего возмущения, потому что ее все равно никто бы не услышал – мощные колонки «Сони» перекричать было сложно. Она попыталась выключить музыку, но у нее это не получилось – сзади подошел какой-то лысый молокосос и, ущипнув ее за мягкое место, ухватил за грудь.

– Ты любишь, когда тебя трахают в задницу? – прокричал он ей на ухо.

С женой депутата в этот момент чуть было не случился инфаркт. Но она чисто машинально переспросила:

– Что?

– Я спрашиваю, тебе нравится, когда в попку делают бо-бо? – спросил молокосос. – Дело в том, что я по минуте не очень загоняюсь, люблю анально! А ты, наверное, больше минут любишь! Ну, ничего, мы подружимся...

И тут Горецкая с размаху дала подростку оплеуху. Он осел на стул, совершенно не понимая, что происходит. Следующим движением она повернула ручку громкости на музыкальном центре, и в комнате установилась тишина.

– Что за херня? – подал голос длинноволосый парень, занимавшийся проникновением в лежавшую на столе девушку.

– Анастасия, езжай на дачу обратно, я сам разберусь, – покачиваясь, зашел в комнату Роман, покуривая какую-то странную сигарету.

Это была не сигарета, а скорее самокрутка. И тут до Горецкой дошло, что за запах стоял в квартире. Было совершенно очевидно, что компания вовсю баловалась «травкой».

– Роман, что ты куришь? Я сейчас вызову милицию.

– Не надо милицию, – заторможенным голосом запротестовал Роман.

– Милицией пугать не стоит! – пронзительно завопила «вторая мама», которая к этому времени вернулась из кухни с подносом. – Попейте кофейку, разберитесь тут по-родительски. А я, наверное, пойду, муж уже заждался... Привел, наверное, какого-нибудь.

И, обращаясь к хозяйке квартиры, доверительным тоном сообщила:

– Скажу вам как женщина женщине – у меня тоже бывают проблемы. И не только в критические дни. Муж, бывает, кого-то удочерит, а потом не поймешь – то ли это дочка, то ли любовница... Вас сама судьба привела, надо домой поехать разобраться.

Тут, осознав, что ситуация несколько изменилась, парни, занимавшиеся любовью с девушкой на столе, стали зачехлять свои боевые орудия. Вернее, они сами собой зачехлились по законам физиологии. Оба активных парня тихо оставили в покое девушку и проследовали в угол, где валялась их одежда.

Невозмутимым был только «медитатор» в кресле. Ему было уже все равно.

Тут Горецкая разглядела лицо девушки на столе. Она была абсолютно пьяна. В ней она узнала лучшую подругу дочери, одноклассницу Марину, которую классный руководитель всегда ставила в пример как круглую отличницу, особенно успевавшую по английскому языку.

Горецкой стало дурно. От Марины она этого не ожидала. Отец – профессор истории, мать – преуспевающий адвокат. Как часто в погоне за карьерой, добываясь лучшего будущего для своих детей, зарабатывая на кусок хлеба с маслом и черной икрой, люди забывают о духовном воспитании.

Такие праведные мысли вдруг неожиданно пришли в голову Горецкой, когда она наблюдала за голой Мариной, лежащей среди остатков шикарной трапезы.

– По-моему, мы наблюдаем неожиданное пришествие Девы Марии, – выпренно высказался любитель минета.

– Я бы не советовал вам делать из мухи слона, – неожиданно интеллигентно произнес длинноволосый, натягивая плавки и спокойно обращаясь к Горецкой.

– Заткнись! – сказал Роман. – Одевайтесь и двигайте отсюда.

– Что? – переспросил его длинноволосый.

– Двигайте, с Анастасией я разберусь сам.

– Анастасия – это кто? – улыбнулся лысый молокосос, потирая все еще горящую щеку.

– Это его первая мама, – встряла из прихожей Трушкова, которая уже собиралась на выход. – Просто сейчас модно называть родителей по имени. Рома с Дашенькой у нас продвинутые люди...

И, мерзко хохотнув, «поэтесса» лязгнула замком входной двери и спустя несколько мгновений покинула квартиру. Еще долго был слышен топот ее каблучков по лестнице.

– Нас, кажется, выгоняют? – осведомился длинноволосый у своих приятелей.

– Похоже на то...

– В таком случае пошли. Девочек будем забирать?

– Эту мы уже никуда не потащим, – кивнул длинноволосый в сторону Марины. – А что касается Ирины, то пусть с ней Ромка разбирается.

– Сейчас же вон отсюда! – заорала Горецкая.

– Анастасия, успокойся, сейчас будет полный «the end», как любят писать в конце фильма, – попытался обнять ее Роман, но мать вырвалась из его объятий.

Тут на пороге появилась та самая Ирина, с которой надлежало «разбираться» Роману. Это она шарила в его трусах в тот момент, когда Горецкая пришла к себе домой. Она была уже одета, если, конечно, это можно было назвать одеждой – короткое полупрозрачное платье и кружевные чулки.

– Я – нормальная девчонка, не подумайте ничего худого, – нараспев произнесла она. – Рома, я не буду дожидаться Леху, поеду сама. Скажешь тогда, что я отработала. Если что, звони... Телефон знаешь.

– Что еще за Леха? Это что, проститутка? – вытаращила глаза Горецкая.

– Зачем же так грубо? – скривила губы Ирина. – Не все же такие богатенькие, как вы, нужно иногда делиться. Вы отнимаете у нас, мы отнимаем у вас... Чао, Рома! – и, послав ему воздушный поцелуй, девушка проследовала в прихожую.

Ребята поспешили за ней.

– Мы тебя проводим!

– Скажите, какая галантность! – хохотнула Ирина. – Ну, ладно, пошли. Только учтите – я свое здесь уже отработала.

Через минуту в квартире остались только Горецкая, ее дети (Даша по-прежнему валялась в ванной комнате) и пьяная вдрабадан отличница Марина. Роман с огромным трудом переба- зировал ее с загаженного стола на диван.

– Что делали в этом доме все эти люди?

– Это Дашкины друзья, да и мои тоже... Во всяком случае, Трушков – наш общий друг.

– Ты дружишь с гомосексуалистами?

– Прежде всего, я дружу с талантливым человеком, – спокойно глядя матери в глаза, ответил Роман.

– Ах, да, конечно! – Горецкая в первый раз за время пребывания в своей квартире усмех- нулась. – Знаменитая песня – «Я такая заводная, что с тобою сплю, летая». И еще – «Ты моя морковка, я твоя золовка».

– Да это гипершлягеры! – возразил Роман.

– Не знаю там гипер что... А у тебя все нормально с сексуальной ориентацией? – Горец- кая подозрительно посмотрела на сына.

– А ты что, не видела? – Роман явно намекал на проститутку Ирину.

– Сейчас все возможно. Смотрю я на ваше поколение и думаю – не такими мы были.

– Конечно... Скажи еще, что в тридцать лет в первый раз в рот взяла!

– Что? – взвилась Горецкая. – Да как ты смеешь так с матерью говорить!

– А что я такого сказал? Трушков всегда говорит, что до тридцати лет сохранял девствен- ность.

– Мне все равно, что говорят подобные люди! Как ты-то смеешь так разговаривать!

– Смею.

Роман в последний раз затянулся косяком и осторожно положил окурок в пепельницу.

– Ты куришь анашу?

– Очень расслабляет, советую... А то, похоже, у вас с отцом жизнь сложная, напряжен- ная... Очень помогает.

Наступила пауза. Горецкая вытащила из лежавшей на столе пачки сигарету и, чиркнув зажигалкой, затянулась.

– Мама, ты давно не курила, – в тоне Романа послышались более теплые нотки.

– И все-таки «мама»?

– Да, я давно тебя так не называл. О нашей семье говорят, что мы одни из самых экстра- вагантных в городе.

– Иногда я думаю, что чего-то не смогла дать вам. Может быть, я виновата перед вами, но я хотела как лучше.

– Ты же знаешь, мама, что у нас всегда хотят как лучше. Получается же... – Роман развел руками.

– А может быть, не надо об этом?

– Как скажешь... – Я хочу с тобой поговорить серьезно.

– В таком случае выпей коньячку. Это настроит тебя на правильный тон.

И Роман галантно поднес матери рюмку «Гастон де Лагранжа». Горецкая, немного помед- лив, залпом осушила рюмку. Роман остался до конца кавалером и тут же подал матери кусок лимона. После того, как коньяк рассосался внутри, Горецкую понесло.

– Может быть, я плохая мать? – задала она для начала риторический вопрос. – Однако не спеши судить меня. Да, в погоне за материальным счастьем и карьерой я упустила главное. Мы с отцом так и не сумели создать нормальной семейной атмосферы, и все, чему мы научили вас, – это брать от жизни то, что лежит на поверхности. Вы же берете сейчас не самое лучшее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.